

ТАРАКАНЬИМИ ДРОПАМИ

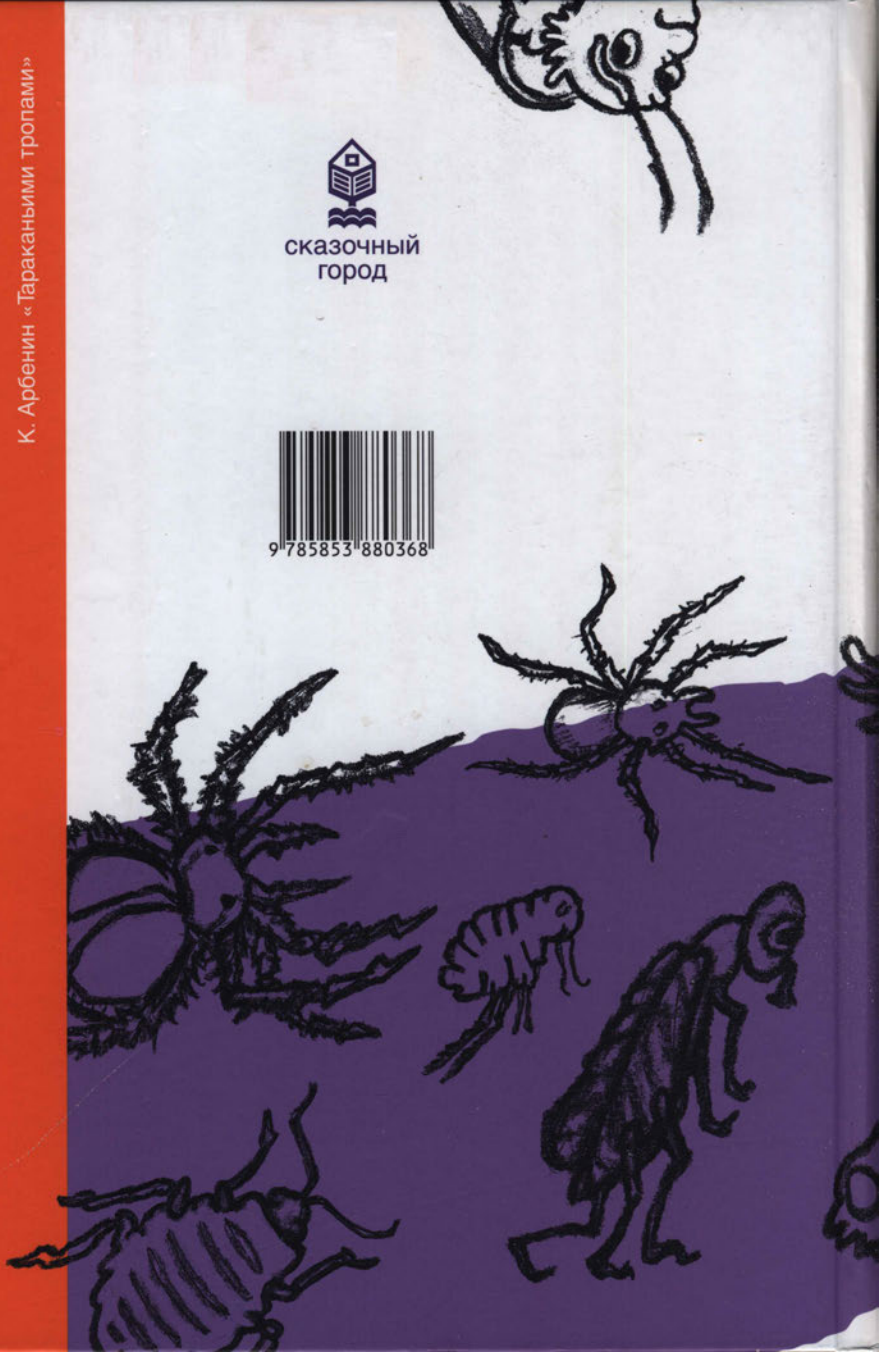
КОНСТАНТИН
АРБЕНИН

– Я представитель власти! – сказала насекомое и дыкнуло сыростью.

– А мы, прошу заметить, – встрял Клоп Клопыч, – ничего предосудительного не делаем. Мы просто гуляем, путешествуем в своё удовольствие.

– Представляйте вашу власть на здоровье, – добавил Таракашка, – нам она без надобности...

К. Арбенин «Тараканьими тропами»

Константин Арбенин

ТАРАКАНЬИМИ ТРОПАМИ

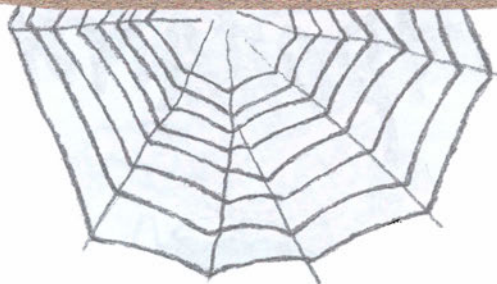
ХУДОЖНИК
АНДРЕЙ ФИЛИПPOB

Санкт-Петербург
2011

ББК 84(2Рос=Рус)
А 79

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России»

Арбенин К. Ю.
А79 ТАРАКАНЬИМИ ТРОПАМИ. Повесть-сказка/ Илл. А.А. Филиппова. –
СПб.: ГРИФ, 2011. – 64 с., илл. – (Сказочный город).

© К. Ю. Арбенин. Текст, 2011
© А. А. Филиппов. Оформление, 2011
© ГРИФ, 2011

ISBN 978-5-85388-036-8

ЕСЛИ ОЧЕНЬ ХОЧЕТСЯ

Таракашку давно предупреждали: не ходи под диван! При этом угрожающе трясли всеми лапками и говорили, что делать там нечего. И допредупреждались – Таракашке стало страшно интересно, что же там такое, и ужасно захотелось посмотреть, почему туда нельзя.

– Ходить под диван в твоём возрасте опасно, – объяснял отец Таракан. – Можешь попасть в пыль и сильно запацкаться. Отчищай тебя потом!

– А если очень осторожно? – не унимался Таракашка. – Если аккуратненько?

– Ходить под диван – и не попасть в пыль?! – удивлялась мама Тараканиха. – Это невозможно! Там же темно, ты и не заметишь, как заляпаешься! И не думай...

А как тут не думать, когда так сильно приспичило! Ведь надоело Таракашке прежнее времяпрепровождение: провожаешь время, провожаешь, а оно всё не уходит. И в настольные игры играть надоело, пора бы и жизнь повидать! Ведь на свете так много разных интересных мест, а Таракашка ещё ничего, кроме этого кухонного стола да заобойного тараканьего логова не видел! Вот бы посмотреть своими глазами, что там, за Порожкиным косогором, за Паркетовой равниной делается! Тем более такой хороший повод – зимние каникулы! Свободного времени – уйма!

Но у мамы был другой взгляд на то, как надо проводить каникулы. – На каникулах, – сказала она, – надо, прежде всего, много кушать!

А у папы Таракана вообще не было взгляда, точнее, взгляд у него был, но направлял его отец всегда в одно и то же место – в тараканью газету. Поэтому ему не оставалось ничего другого, как всегда и во всём соглашаться с мамой Тараканихой.

— Да, да, — говорил он и в этот раз, рассеянно кивая. — На каникулах надо очень хорошо есть! Чтобы держать себя в форме...

Таракашка не понимал, о какой форме говорит папа. Он вообще много в своих родителях не понимал. Зато одно понял наверняка: о путешествии они не желали даже слышать. Но Таракашка не собирался сдаваться, и когда мама усадила его за стол и принялась поддерживать эту самую форму, он в десятый раз сообщил родителям, что хочет отправиться путешествовать.

Родители тоже не понимали Таракашку. Им казалось, что он постоянно болтает ерунду. А поскольку всякой ерундой они старались не забивать себе головы, то всегда пропускали сынишкины слова мимо ушей. Вот и теперь мама удивилась так, будто впервые об этом услышала.

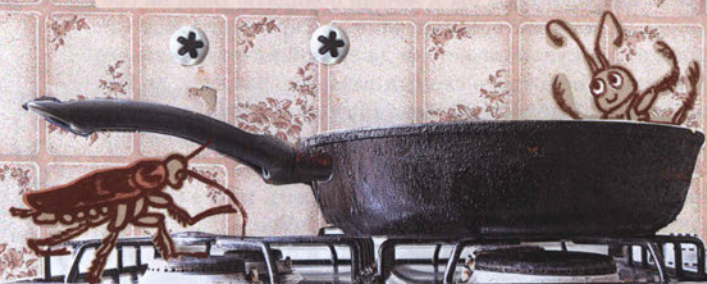
— Какое такое путешествие? — спросила она. — С классом? Таракашка отрицательно помотал головой.

— Так, посмотрим, — сказал папа Таракан, не отрываясь от газеты, — путешествия и экскурсии... Вот, пожалуйста: ночная обзорная экскурсия по Газовой Плите с посещением трёх действующих конфорок. Подойдёт?

Таракашка не смог ответить — рот был набит до отказа.

— Нет? Тогда вот — в парке возле Старого торшера показательные пролёты мотыльков. Оркестр сверчков играет музыку «ретро».

И папа мечтательно закатил глаза.

– Не люблю я ретро! – сказал Таракашка как можно громче и отчётливей. – Папа, мама! Я не на экскурсию хочу и не в парк, я хочу пойти в настоящее путешествие – под диван!

– Под диван? – переспросил папа. – Исключено. Это далеко и опасно.

– Лучше сбегай в хлебницу, – сказала мама, – у нас белые крошки закончились.

– Что же мне, – почти закричал Таракашка, – все каникулы – только есть да в хлебницу бегать?!

– Жуй как следует, – осадил мама, – не отвлекайся.

– Каникулы? – удивился отец Таракан. – Как каникулы? Опять каникулы? Чёрт знает что! – И он хотел было снова углубиться в чтение, как вдруг его осенило. – Погодите! Если каникулы, значит, четверть кончилась? А почему ты нам оценки не показываешь?

«Сейчас начнётся, – подумал Таракашка. – Теперь точно плакало моё путешествие!»

– А чего их показывать, – сказал он вслух, – оценки как оценки. Вы что – оценок не видели?

– По географии что? – спросила мама Тараканых, чувствуя неладное.

– Ну, вот разве что по географии... – замылся Таракашка.

– Двойка?

Таракашка стремительно схватил кусок побольше, записал его в рот и пробубнил что-то нечленораздельное.

– Хватит жевать! – нахмурилась мама. – Я тебя спрашиваю – двойка?

Делать нечего – Таракашка неохотно кивнул.

– Двойка в четверти! – охнула мама. – Ты с ума сошёл!

– Значит так, – строго сказал папа, – никаких путешествий, никаких экскурсий, никакой музыки ретро! Сиди дома и зубри свою географию!

И он с головой спрятался в газету.

– И не забывай нам головы всякой чепухой, – добавила мама. – Всё, поел – иди!

БЕЗВЫХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Таракашка грустный сидел на обоях недалеко от входа в тараканью квартиру, когда рядом приземлилась Мушка – его подружка и одноклассница. Вот кто его понимал, вот с кем Таракашка мог поделиться всеми своими заветными мыслями и переживаниями! И это даже ничего, что Мушка была девчонкой – иногда такие девчонки попадают, которые ещё понятливее мальчишек!

– Ну что? – спросила Мушка.

Таракашка горько хмыкнул и лапкой махнул.

– А ну их! Сами никогда не вылезали из-под своих обоев и меня хотя бы таким же бледным тараканом вырастить! А у меня прадедушка – настоящий беговой пруссак был, все уголки нашей необъятной квартиры излазил! И в чешской стенке жил, и в японском магнитофоне, даже ночевал однажды в финском холодильнике! А я так и останусь... с двойкой по географии...

Мушка не знала, как помочь Таракашке. Она сперва помолчала, а потом поделилась своими новостями.

– А меня тётка спать заставляет, – сказала она. – Всю зиму, представляешь, все каникулы!

Таракашка от удивления даже забыл о своих невзгодах.

– Она что – нафталина объелась? – спросил он.

– Да нет, – ответила Мушка. – Просто у нас природа такая: мы, мухи, всю зиму спим.

– Ну и спокойной ночи! – то ли обиделся, то ли огорчился Таракашка.

Мушка подёргала его за ус.

– погоди ты кукситься! Мы сейчас что-нибудь придумаем. Моя тётка говорит, что безвыходных положений не бывает! Таракашка хмыкнул.

– Это в книжках про путешественников не бывает безвыходных положений, – сказал он, – а в жизни – если родители сказали «нет», то положение безвыходное!

– А что если им предложить вместе с тобой пойти! – воскликнула Мушка. – Так сказать: папа, мама и я – туристская семья? По местам прадедушкиной беговой славы. А?

Таракашка сначала оживился, даже глаза у него загорелись, но потом подумал и снова впал в уныние.

– Нет, они на это не пойдут, им некогда. Ты что, не знаешь этих взрослых? Папа всегда шибко занят, а у мамы и без дивана проблем хватает. Я вообще не помню, чтобы они из-за обоев куда-нибудь вылезали дальше мусорного ведра!

– Тогда надо идти к Клоп Клопычу, – раздумчиво сказала Мушка.

– К Клоп Клопычу? – заинтересовался Таракашка.

Речь шла о его соседе, большом друге его родителей. Старый Клоп Клопыч хоть и был немного ворчлив и своенравен, но все кругом знала, что он плохому не научит и в трудную минуту не подведёт. Насекомые часто обращались к клопу, когда возникала неразрешимая задача, и он всегда помогал – не делом, так словом. Поэтому Мушкина идея Таракашке понравилась. Он стал размышлять вслух:

– Клоп Клопыч на пенсии, стало быть, заняться ему всё равно нечем...

– И главное, – весомо добавила Мушка, – он же родом из-под дивана!

– Да, Поддиванье – моя родина, – с почтением произнёс клоп, когда Мушка и Таракашка рассказали ему о своём деле. – Я там столько лет не был! А уж про зимы и говорить не стоит... Но путь неблизкий. Тут надо подумать. – Он побряхтел и озабоченно зашевелил рыжими лапками. – Задача сложная, с двумя неизвестными как минимум.

– Почему же неизвестными? – удивился Таракашка. – Меня вы знаете, родителей моих тоже. Все известны. Непонятно только, что мне делать и кто такой минимум?

– Вот я и говорю, – заворчал Клоп Клопыч, который не любил, если его взрослые размышления перебивали всякие козявки. – Я и говорю: задача с двумя непонятными: во-первых, что тебе делать? И, во-вторых, что тебе посоветовать? А минимум здесь вовсе не при чём, не надо меня запутывать.

Таракашка замолчал. Старый клоп всегда говорил слишком умно и красиво, чтобы можно было понять его с первого раза. Таракашка не понимал, но очень старался.

— Ладно, — наконец надумал Клоп Клопыч, — путешествие — дело полезное, а иногда и приятное. Так тому и быть: тряхну стариной, поглотаю дорожной пылицы. Только одно условие: будешь меня слушаться и всё, что я скажу, наматывать на ус!

Таракашка не только обещал, но и представил Клоп Клопычу оба своих усика в полной готовности, после чего клоп отправился к Таракашкиным родителям.

Мама с отцом сперва перепугались и упёрлись, даже выход из дома перегородили своими телами, но Клоп Клопыч объяснил им, что путешествие — тоже школа, а географию лучше всего не зубрёжкой изучать, а своими собственными лапами. Против этого нечего было возразить, и родители, скрепя сердце, согласились. А потом и вовсе успокоились, решив, что с Клоп Клопычем Таракашка не пропадёт, а сами они смогут, наконец, отдохнуть от бесчисленных сынишкиных вопросов.

— Иди, — согласился отец Таракан. — Хотя воздухом подышишь и на микромир поглядишь. Может, тараканом станешь.

— Правильно. Только во всём слушайся дядюшку Клопа, — напутствовала мама Тараканиха. — Усики в незнакомые места не суй и веди себя прилично. Вот тебе тараканий бутерброд в дорогу.

Таракашка взял бутерброд и сразу почувствовал себя великим путешественником-первопроходцем: ему впервые предстояло самостоятельно преодолеть такое огромное расстояние, прошествовать большими таракаными тропами!

После недолгих сборов Таракашка забежал попрощаться к сонной Мушке, а потом вместе с Клоп Клопычем отправился в путь.

ОПАСНЫЕ НЕПРИЯТНОСТИ

Дорога под диван лежала через всю огромную комнату, по всей Паркетовой равнине. Лишь только стемнело, Клоп Клопыч и Таракашка выползли из-под обоев, спустились со Столовой возвышенности и зашагали вперёд, туда, где вдали таинственно чернела большая кожаная глыба.

– Главное, – говорил Клоп Клопыч, деловито сопя при ходьбе, – это быть готовым к любым опасностям. Решительно и бесповоротно готовым. Только тогда ты достоин называться настоящим путешественником. Потому что, если ты готов к опасностям, то они уже вовсе и не опасности, а просто-напросто неприятности.

– А в чём разница? – спросил Таракашка. – И что хуже?

– Опасности хуже, – подумав, ответил Клоп Клопыч. – Но и неприятности не намного-то лучше. Да и разницы между ними, собственно говоря, никакой. Абсолютно. И неприятности – вещь опасная, и опасности – не очень приятная штука. Вот поэтому и надо быть готовым ко всему, когда отправляешься в такое путешествие!

Вот так, с разговорами, путешественники покинули Кухонный городишко, миновали Коридорные бездорожья и, перебравшись через Порожкин косогор, вышли прямо на середину Паркетовой равнины. Таракашка первый раз в жизни преодолевал такие большие расстояния, поэтому лапки его стали чуточку ныть. Самую чуточку, с неприятными. «Только бы, – думал он, – не занять самому!» Ведь Клоп Клопыч держался молодцом, несмотря на свой пенсионный возраст.

– Запомни одно, – советовал он, – ежели вдруг загорится свет – надо сразу же прятаться или убежать.

– А почему? – не понял Таракашка. – Разве свет – это плохо?

— Для нас, — отвечал Клоп Клопыч, — свет — это очень плохо. Свет — это неприятность, потому что его зажигают люди. А люди — это опасность. Они могут и раздавить, коли не заметят. А если заметят — тем более могут раздавить.

— Почему? — ужаснулся Таракашка.

— Потому что люди терпеть не могут клопов и тараканов. Людей ненавистью ненавидят.

— Почему?

— Я думаю, они нас боятся и считают маленькими чудовищами. Ну, и защищаются, как могут.

— А мне отец говорил наоборот, — вспомнил Таракашка. — Он говорил, что люди — это большие чудовища!

— Да нет, Таракашечка, — сказал Клоп Клопыч. — Вздор. Люди — это люди. А тараканы — это тараканы. И живут они всегда рядом. Но как-то так повелось испокон веку, что они всё время друг другом недовольны и всё время друг другу вредят.

Таракашка размечтался и спросил:

— А договориться никак нельзя?

— Нельзя, — твёрдо сказал Клоп Клопыч. — Слишком большая разница в размерах. Да и во всём остальном...

И тут вдруг стало светло. Так светло, что у Таракашки в глазах замельтешили солнечные блошки.

— Берегись! — только и успел крикнуть Клоп Клопыч, прежде чем юркнуть в какую-то паркетную щель.

А Таракашка от неожиданности замер как вкопанный. Он отлично помнил, что надо спрятаться или убежать. Только он никак не мог решить, что же ему делать — бежать или прятаться? Прятаться или бежать? И он стоял — и ничего не делал. К счастью, Клоп Клопыч пришёл на помощь: выскочил из щели, схватил Таракашку за усы и насильно втащил в укрытие. И как раз вовремя — наверху загрохотало.

«ВАЛИТЕ ОТСЕДАВА!»

— Ужас! Ужасная нерасторопность! — зашипел на Таракашку Клоп Клопыч, когда они оказались в безопасности. — Гибельная беспабашность! Ты же чуть было не попал под ноги чело-веку! Говорил же я тебе: убегай или прячься!

Таракашка попытался оправдываться:

— Но всё произошло так быстро, что я... я ничего не понял...

— Вот именно, — бранился Клоп Клопыч, — ничего не понял! Ещё бы чуть-чуть — и от тебя осталось бы мокрое место! Что бы я сказал твоим родителям? «Ваш сын ничего не понял, поэтому вот вам вместо него мокрое место?»

Таракашка начал потихоньку приходить в себя. Он виновато зашевелил усиками и просопел:

— Вы же не уточнили, что именно нужно делать — бежать или прятаться. Вот я и не сообразил!

— А пора бы и соображать, — настаивал Клоп Клопыч. Он сильно перепугался за Таракашку и теперь злился на свой испуг. — Если я не уточнил, значит, надо досообразить самому! По обстоятельствам. Надо было всё обдумать, взвесить все «за» и «против» и сделать правильный выбор!

— Когда же и на чём же мне было взвешивать, дядюшка Клоп?! — почти обиделся Таракашка. — Вы сами разве что-нибудь взвешивали? Так сиганули в эту щель, что только подошвы сверкнули.

Клоп Клопыч не нашёл, что ответить, и поэтому согласился, даже успокоился.

— Пожалуй, да, — сказал он. — Обдумывать было особо некогда. Да и вообще, сделать выбор — это не каждому взрослому-то под силу, а тут... Но всё равно, в следующий раз ты уж не зевай!

Таракашка пообещал, что впредь будет сообразительнее и расторопнее. Ему совсем не хотелось, чтобы родители получили взамен умницы сыночка какое-то мокрое место, и он понимал, что Клоп Клопыч, в общем-то, справедливо кипятился и выражал своё недовольство.

Вдруг поблизости раздался против-ный писклявый голос:

— Эй! Чего это вы сюда забрались?! Это моя щель! Валите отседава!

– Не «отседава», а «отсюда», – поправил Клоп Клопыч и спросил у голоса: – А вы, собственно, кто и где?

– Я Жучило-древоточец, – пропищал голос, и из дырочки в древесине выполз маленький жучок, весь в опилках. Ростом он был меньше Таракашки, но зато у него были тяжёлые внушительные челюсти. – Вот он я. Я здесь живу и работаю. Работаю и ем. Точу дерево и его же ем. А кто не работает – тот не ест. И своего тёплого местечка я никому уступать не намеренный! Не дождётеся. Поентому: чешите подобру-поздорову – хоть отсюдава, хоть отседа, хоть вообще!

– Но позвольте... – запротестовал Клоп Клопыч, – это же не гостеприимно! Мы сюда попали не из дурных намерений, отнюдь! Мы только хотели переждать здесь опасность!

– Мы даже и не знали, – вставил словечко Таракашка, – что тут кто-то живёт.

– Как это кто-то! Не кто-то, а я-то! – заверещал жучок. – Я тута живу, Жучило-древоточец! Это ты – кто-то, неизвестно кто, а я тута законный хозяин, я сам ету щёлку проел, своими собственными челюстями! Так что, соплячок, чеши отседава вон, пока я тебя не перекусил! Оба отседава валите строчно, а то я как закричу!

Таракашка так разозлился, что даже захотел обозвать визгливого жука как-нибудь пообиднее, но, пока он думал, какое прозвище больше подходит древоточцу, Клоп Клопыч взял его за лапку и тихо сказал:

– Не надо, малыш. Мы ведь действительно не у себя дома. Придётся уйти.

– Но там же ещё опасно! – взглянув наверх, сказал Таракашка. – Ведь свет ещё горит!

– Опасно, – согласился Клоп Клопыч. – Зато здесь – неприятно.

Он легонько подтолкнул Таракашку, и путешественники стали вылезать из укрытия.

«БУДЬТЕ ОСТОРОЖНЫ!»

Клоп Клопыч и Таракашка вновь оказались на свету.

— Ну, побежали, — скомандовал дядюшка клоп. — Раз уж не удалось спрятаться, попробуем убежать.

И они изо всех сил помчались к подножию кадки с фикусом, где в тени можно было на время укрыться от людских глаз и ног. Таракашка скоро запыхался, а у Клоп

Клопыча начался кашель. Но своей спасительной цели они всё-таки достигли. Прислонившись к основанию кадки, беглецы долго переводили дух, охали, отдувались и приходили в себя.

— Ух! — сопел Клоп Клопыч. — Ух! Как же тут тараканы с людьми могут договориться, если насекомое с насекомым общего языка не может найти! Невероятно, но факт: вредная козявка куда опаснее самого большого чудовища! Ух...

— Да уж, — согласился Таракашка, — чрезвычайно противный жук. Жаль, что я не успел стукнуть его по лбу, чтобы не задавался!

— А вот этого делать не надо, — нахмурился Клоп Клопыч. — Не следует. Мама ведь сказала тебе — не пачкаться. А от этого Жучилы слишком дурно пахнут.

— Да? — задумался Таракашка. — В смысле запаха я ничего такого не заметил...

Он хотел ещё что-то добавить, но в этот момент увидел, что прямо к ним шагают трое неизвестных ему насекомых и несут на своих плечах огромную тяжёлую спичку с обгорелой головкой. Таракашка громко ойкнул и на всякий случай спрятался за Клоп Клопыча.

- Не бойся, - успокоил его клоп, - это муравьи, свои ребята.
- Никогда не видел муравьёв! - признался Таракашка.
- Не удивительно, - сказал Клоп Клопыч. - Ты ведь родился летом, а летом они живут на улице. Здесь они просто зимуют. - И он обратился к муравьям: - Здорово, служивые!
- Здорово, дядя Клоп, - сказали муравьи и остановились.

Двое муравьёв были полностью рыжие, а у третьего на брюшке блестящее чёрное пятно. Видимо, этот муравей был старшим по званию; он подал своим соратникам знак и те сбросили спичку на пол и присели на неё, переводя дух. С муравьёв градом катил пот.

- Как дела, ребята? - спросил Клоп Клопыч.
- Да ничего себе, - приветливо ответил муравей с пятном, - бревно вот раздобыли. Тащим его на зимние квартиры...
- Работаем день и ночь, - добавил другой муравей, - даже за чемпионатом последить некогда!

Третий муравей с охотой поддержал товарища:

- Вы не в курсе, - спросил он, - как там вчера скараabei с навозниками сыграли?

Клоп Клопыч рассеянно пожал плечами, но тут из-за его спины выскочил Таракашка и громко-громко отчеканил:

- Три-один - скараabei выиграла!
- Жуть, - расстроился третий муравей.

А старший хлопнул Таракашку по плечу и по-дружески сказал:

- Во, наш муравей!

— Я не муравей, я таракан, — объяснил Таракашка.

— Это не важно, главное, что наш, — сказал старшина. —

А вы куда, братцы, путь держите?

— Мы не держим, — ответил Таракашка, — мы идём.

— Под диван, — пояснил Клоп Клопыч.

Муравьи удивлённо переглянулись, и тот, что с пятном, сказал:

— Будьте там очень осторожны.

— А почему? — спросил Таракашка.

— Гиблое место, — объяснил первый муравей. — Паучищу знаете?

Клоп Клопыч нахмурился и кивнул. Похоже, он знал, о ком идёт речь.

— Так вот, — продолжал муравей, — этот Паучище, будь он неладен, со своими зятьями и сыночками всё Поддиванье паутиной оплёл, ни пройти, ни проехать! Развёл семейственность — жуть!..

— Жуть, — подтвердил второй муравей, — наплодил отпрысков и заправляет теперь своими злодействами с большим размахом. И живот себе наел такой огромный, что передвигаться больше не может — сидит себе в центре всей паутины и только дёргает за ниточки: приказы отдаёт и распоряжения отправляет.

— Лучше б не ходили вы туда, — подытожил сказанное старший муравей.

— А почему же я никогда об этом не слышал? — удивлённо спросил Таракашка. — В школе не рассказывали, родители ничего такого не говорили... Может быть, они об этом не знают?

— Да нет, малыш, — ответил Клоп Клопыч, слегка смутившись, — все взрослые об этом прекрасно знают. Просто говорить об это не принято. Особенно при детях.

— Почему? — не понял Таракашка.

Клоп вздохнул. Было видно, что он не хочет отвечать, а, может, даже и не знает ответа. Муравей-старшина пришёл ему на выручку.

— Потому что ни одному взрослому с Паучищей не справиться, — ответил он. — Паутина у этого злодея прочная, липкая, — лучше и не пытаться...

– Ни одному взрослому, говорите? – переспросил Таракашка. – Значит, с ним может справиться только малыш?

– Брось говорить глупости! – не на шутку занервничал Клоп Клопыч. – Малышу тем более с ним не справиться!

– И что же нам делать? – совсем растерялся Таракашка.

Клоп Клопыч задумался, посмотрел на муравьёв, на кадку, на фикус. Потом сказал:

– Есть два варианта: первый – закончить путешествие и вернуться домой; второй – идти дальше.

Таракашка тоже задумался, тоже посмотрел на муравьёв и на кадку с фикусом. Он был слегка перепуган муравьиным предостережением, но не хотел этого показывать. И подумав, всё-таки высказался за то, чтобы продолжить путешествие.

– Пауков бояться – под диван не ходить, – весомо произнёс он где-то слышанную фразу.

– И что – не боишься? – спросил его старший муравей.

– Вообще-то боюсь, – признался Таракашка. – Но какое же путешествие без опасностей!

Младшие муравьи азартно хлопнули друг друга по лапкам.

– Я же говорил, – крикнул первый, – наш муравей!.. То есть, извини, таракан.

– Ну что ж, – сказал старший, вставая со спички, – как говорится, охота пуще неволи. Счастливого вам пути, добрые насекомые!

– Спасибо на добром слове.

– Бревно на плечо! – скомандовал старшина. – Муравьиным шагом – марш!

И служивые, взвалив ношу на плечи, отправились на свои зимние квартиры.

Едва они ушли, погас свет, и Клоп Клопыч с Таракашкой продолжили своё опасное путешествие.

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ПОДДИВАНЬЯ

Путешественники всё приближались и приближались к дивану и вскоре дошли до ножки.

Здесь решено было сделать привал: перед самым ответственным отрезком пути следовало хорошенько отдохнуть и подкрепиться. Таракашка достал мамин бутерброд, состоящий из хлебной крохи и кусочка сырной кожуры, разломал его пополам и большую половину отдал Клоп Клопыч.

— Когда-то давно, — рассказывал клоп, тщательно пережёвывая пищу, — Паучище принадлежал под диваном только один Тёмный угол. Всего лишь. А теперь этот злыдень хозяйничает во всём Поддиваньи! Вот ведь гадёныш!

У Таракашки от таких слов бутерброд не хотел лезть в горло. Снова стало страшновато.

— Я уж и забыл про него, прохвоста маленького, — продолжал между тем Клоп Клопыч, — а он — ишь-ты, подишь-ты — развернулся!

— Разве он... маленький? — с какой-то тайной надеждой спросил Таракашка.

— Маленький? — переспросил Клоп Клопыч. — Кто? Паучище? Видишь ли, я жил под диваном очень давно и помню его маленьким. Но сейчас, надо полагать, он уже большой прохвост... Да, быстро летят недели насекомые!

Клоп мечтательно закрыл глаза, припоминая былую молодость.

— Эх, — причмокнул он, — дивные то были времена, можно сказать, золотой клоповый век! Весь диван и всё Поддиванье, малыш, тогда принадлежали клопам. И было нас там видимо-невидимо. И все мы дружно жили, другим насекомым всегда приют давали. Один этот Паучище в своём Тёмном углу всегда чего-то темнил! И, кстати сказать, звался он

тогда просто Паучком, но по характеру уже был настоящим Паучищей — ябедничал

почём зря, хулиганил исподтишка, безобразно обижал маленьких клопиков, случайно заблудившихся в Тёмном углу...

– Так чего ж вы с ним не разобрались, пока он маленький был? – спросил Таракашка. – Всыпали бы ему по первое число, да и выгнали бы вон из-под дивана!

Клоп закашлялся, заёрзал, – видимо, не сразу придумал, что ответить. Наконец сказал:

– Не педагогично, видишь ли.

Таракашка только плюнул от досады.

– Нет, – поспешил объясниться Клоп Клопыч, – некоторые клопы считали, что надо осадить хулигана, может быть, даже наказать его и выгнать прочь. Но другие возражали, и их было большинство.

– Чего же это они возражали? – настаивал Таракашка. – Им мало доставалось?

– Достаточно доставалось. Но они считали, что Паучок просто ещё слишком мал, что он со временем повзрослеет и одумается. Им даже нравилось такое игривое поведение недоросля. Они потешались над его наглостью и умилялись его неожиданным выходкам. Но почему-то всё стало развиваться не так, как они предсказывали. Наоборот, с годами паучий аппетит рос. И когда Паучок сделался подростком, даже этому умилённому большинству стало не до потехи.

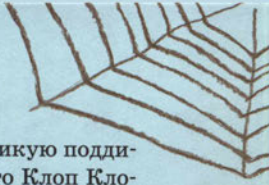
Клоп дожевал и замолчал, вспоминая ещё что-то не очень приятное.

– И что было дальше, Клоп Клопыч? – спросил Таракашка. – Так Паучищу никто и не наказал?

– Не успели, – очнулся Клоп. – Уже совсем было решили наказать, но тут, как говорится, вмешалась сама судьба. Именно в этот момент произошла Великая поддиванная катастрофа: люди облили диван карбофосом. Большинство клопов погибло, остальные едва унесли ноги, разбежались в разные стороны. Мне повезло – меня только слегка задело, кашляю вот теперь всё время, одышка. Однако жив – и то хорошо!

Таракашка был потрясён услышанным – эту самую Великую поддиванную катастрофу проходили в школе, но он не знал, что Клоп Клопыч – живой её участник!

– Вы именно с тех пор там и не живёте? – спросил он.

– Да, малыш, с тех самых, – ответил клоп. – Эвакуировался я к своим друзьям тараканам, твоим бабушке и дедушке, и там за обоями осел.

– А Паучище что?

– А Паучище отсиделся во время мора в своём паучьем убежище, потом воспользовался тем, что Поддиванье опустело, и застолбил всю тамошнюю территорию... Вот ведь как всё обернулось...

Таракашка призадумался. Первым его желанием было попросить Клоп Клопыча закончить путешествие и вернуться домой. Но потом ему стало стыдно. По всему выходило, что пути назад у него нет. Во-первых, потому что он уже при муравьях заявил, что намерен продолжать путь, невзирая на опасности. А во-вторых, эти самые опасности делали путешествие чрезвычайно интересным. И Таракашка решил не отступать – идти дальше. Тем более, что Клоп Клопыч, доев свою порцию тараканьего бутерброда, успокоил его, сказав так:

– Да ты не бойся, малыш. Нас никто не тронет, мы же всего лишь мирные насекомые-путешественники. Не должны нас тронуть. Это очевидно.

И он очень убедительно кашлянул.

НЕПРИЯТНЫЕ ОПАСНОСТИ

Передохнув и собравшись с новыми силами, Таракашка и Клоп Клопыч двинулись под диван.

Здесь оказалось совершенно темно, душно, а временами, наоборот, дул сильный сквозняк. Таракашка на всякий случай, чтобы не потеряться, схватил за лапку Клоп Клопыча и ещё проворнее стал шарить усиками впереди себя. Узкие тропинки вели непонятно куда и терялись среди завалов мохнатой пыли, паутины и всякого мелкого мусора. Чем дальше продвигались путешественники, тем темнее становилось вокруг и тем труднее становилось дышать. Клоп Клопыч закашлялся и остановился.

— Не узнаю я что-то родину, — сказал он с подозрением. — Малыш, может — ну его, пойдём обратно? Похоже, здесь смотреть больше нечего, одна пыль да паутина везде.

— Но мы же ещё только в начале! — взмолился Таракашка.
— Ну смотри, как хочешь, — буркнул клоп. — Охота пуще неволи. Таракашка насторожился и задумался. Эту фразу он слышал уже второй раз, а что она означает, понять не мог. И хотя момент был не очень подходящий, он спросил о том у наставника.

Клоп Клопыч пребывал в тревожном состоянии духа, а потому нервничал и легко раздражался. Вместо ответа он стал выговаривать Таракашке:

— Послушай, малыш, вот ты всё время задаёшь вопросы! А самому подумать лень? Если не хочешь вырасти тупицей, заруби себе на носу: прежде чем задавать вопрос, подумай своей головой, — вдруг ты сам на него можешь ответить!

— И что? — спросил Таракашка, не подумав.

Клоп Клопыч махнул всеми свободными лапами.

— И то! Если научишься сам на свои вопросы ответы находить, — научишься думать! А это в жизни пригодится.

Но Таракашка не мог остановиться — вопросы сами так и выпрыгивали из него.

— А как же я узнаю, правильный я ответ нашёл или не правильный?

— Вот ведь! — ослабел Клоп Клопыч. — Я ему говорю, чтобы он сам думал, а он, знай, продолжает вопросы задавать!

Таракашка спохватился.

– Хорошо, – сказал он, сосредотачиваясь. – Буду думать сам.

И он стал бубнить себе под нос, довольно, впрочем, громко.

– Думаю. Охота пуще неволи. Ага... Думаю. Охота пуще... Кто? Охота. Пуще чего? Неволи. Стало быть, неволя охоты... не пуще – правильно? Или неохота пуще воли...

Всё это время он топтался на одном месте, бередя лапками мягкую пыль. Клоп Клопычу от этой пыли стало совсем плохо, он уже даже не кашлял – просто задыхался. В конце концов, не выдержав, он толкнул Таракашку в спину и велел ему идти дальше.

Когда вышли на относительно непыльное место, клоп отдышался и спросил юного друга, надумал ли тот что-нибудь?

Таракашка ответил медленно, проговаривая и обмысливая каждое слово.

– Думаю, это про то, что... когда на тебя охотятся... ты всё-таки лучше себя чувствуешь... чем тогда... когда тебя уже поймали и ты в неволе. Вот. Правильно?

Клоп Клопыч покачал головой.

– Какой же ты всё-таки ещё маленький!

Таракашка хотел возразить, но вдруг замер, почуяв что-то неладное. Замер в этот миг и Клоп Клопыч. Друзья одновременно подняли головы и увидели огромные серые глазищи, которые смотрели на них в упор с тёмного потолка.

– Кто тут? – не своим голосом спросил Клоп Клопыч.

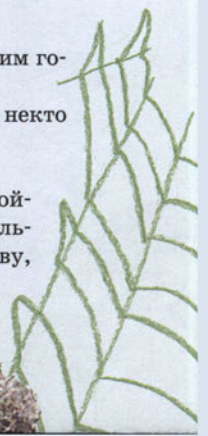
Глазищи злобно прищурились, и на потолке зашуршало.

– Кто тут? – повторил Клоп Клопыч на этот раз уже более своим голосом.

– А ты сперва своей головой подумай, – прошипел с потолка некто невидимый, – а потом вопросы задавай.

После этих слов к клопу окончательно вернулся голос.

– Запомни, малыш, – сказал он Таракашке уже совсем спокойно, – вот так вот подслушивать, а потом дразниться – очень некультурно. И тыкать незнакомым людям – тоже. – И, подняв голову,

спросил: – Скажите нам, любезное насекомое, какие у вас тут есть достопримечательности, кроме пыли и мусора?

Вместо ответа прозвучал вопрос.

– Вы кто такие? – спросило невидимое существо неприятным сильным голосом. Впрочем, оно уже было не таким уж и невидимым. Глаза клопа и Таракашки привыкли к поддиванному мраку и стали понемногу различать очертания этого невежи.

– Запомни, – снова сказал Клоп Клопыч Таракашке, – и отвечать вопросом на вопрос – тоже некультурно. – Потом он громко добавил: – Мы свободные путешественники, гуляем по разным местам, изучаем живую и неживую природу.

– Советую гулять где-нибудь в другом месте, – просипело существо. – И чем дальше, тем лучше. Тут живой природы типа нет.

– Как это нет? – растерялся Клоп Клопыч. – Живая природа должна быть везде.

– Сказано нет, значит нет! Гуляйте.

Таракашка не выдержал такого нахальства и довольно дерзко спросил:

– А вы почему тут прячетесь и даёте советы? Вы что – поддиванное начальство?

Существо недовольно фыркнуло, прошуршало по потолку и приблизило свои заплывшие глазщицы к самой таракашкиной физиономии. Таракашка отпрянул, рассмотрев в темноте короткие серые крылья и такую же серую, бесцветную морду без особых примет.

– Я представитель власти! – сказала насекомое и дыкнуло сыростью.

– А мы, прошу заметить, – встрял Клоп Клопыч, – ничего предосудительного не делаем. Ни коим образом. Мы просто гуляем, путешествуем в своё удовольствие.

– Представляйте вашу власть на здоровье, – добавил Таракашка, – нам она без надобности.

– Моё дело – типа предупредить, – огрызнулось существо, потом медленно и неуклюже развернулось и уползло по потолку в темень.

– Уползла! – хмыкнул Таракашка.

– Да, малыш, – развёл лапками клоп. – Поддиванье – такое место, где даже рождённый летать может только ползать.

– И ведь – простая серая моль, а столько из себя воображает!

Едва только Таракашка это произнёс, как потолок задрожал, и существо вернулось на прежнее место.

– Я не простая моль! – сказала оно, опять приближая свои блёклые глаза к таракашкиной мордочке. – Я съела три офицерских шинели и один генеральский мундир!

Вдруг, не удержавшись, Моль грохнулась с потолка прямо к ногам путешественников! Все трое ойкнули. Моль неуклюже заегазила на спине, взбивая клубы залежалой пыли, Клоп Клопыч снова закашлялся, а Таракашка, чуть подумав, принялся помогать невежливому насекомому.

– Тяжёлая, видать, еда – эти офицерские шинели, – заметил Клоп Клопыч.

Таракашка наконец перевернул упиравшуюся Моль со спины на лапы и спросил:

– А мундир вы съели прямо с медалями?

– За мундир ответите! – закричала Моль вместо благодарности. – С кем шутить вздумали – с представителем!

И, прихрамывая, она снова уползла прочь, но только на этот раз не по потолку, а по полу.

Таракашка и Клоп Клопыч переглянулись.

– Ну что, – настороженно спросил клоп, – пойдём дальше? Вообще-то ещё не поздно вернуться...

Таракашка задумался, посмотрел на потолок, на пыль, на висящие повсюду клочки паутины, на дядюшку клопа...

– Пойдём дальше, – наконец решил он. – Я так думаю, Клоп Клопыч: раз тут есть представители власти, то бояться нам нечего. Правильно?

– М-м-м... – замешкался Клоп Клопыч. – Как тебе сказать... Не так страшна власть, как её представители!

В ПАУТИНЕ

Не успели путешественники пройти и двух сантиметров, как какое-то новое беспокойное чувство охватило их обоих. Таракашка прижался к Клоп Клопычу и крепко ухватился за его лапку. Вокруг стало совсем темно, но ему казалось, что кто-то наблюдает со всех сторон и контролирует каждый Таракашкин шаг, каждое движение Клоп Клопыча.

Похоже, старый клоп чувствовал то же самое. Он строго поглядел на Таракашку и шепнул: «Тс-с!» Таракашка понял, что сейчас произойдёт что-то не очень приятное.

Но ничего пока не происходило. Путешественники простояли в подозрительной тишине с минуту, потом Клоп Клопыч негромко откашлялся и сказал:

– Однако, что бы там ни было, надо идти.

– А куда? – поинтересовался Таракашка.

– Вперёд, разумеется, – рассудительно заметил Клоп Клопыч. – Если не знаешь, куда идти, всегда лучше иди вперёд. – И с грустью прибавил: – Эх, жаль, я не светлячок!

Не выпуская из своей лапки лапку дядюшки клопа, Таракашка сделал несколько шагов вперёд и вдруг упал. Клоп Клопыч попытался его поднять – и тоже шлёпнулся. Ноги

обоих запутались в тугих и крепких нитях. И тут со всех сторон раздался дикий хохот.

И в этот же миг темнота стала рассеиваться и плавно перетекла в полумрак – это Поддиванье осветилось гнилушками. Таракашка увидел вокруг несколько пар недобрых смеющихся глаз, разинутых ртов, дёргающихся ножек – это мохнатые большие пауки окружили путешественников и глупо хохотали над ними. Липкая прочная паутина обтягивала всё освещённое пространство. Ни Таракашка, ни Клоп Клопыч не могли уже пошевелиться; казалось, паутина сама по себе разрасталась, растягивалась и опутывала их туловища. Прямо перед Таракашкой прыгала маленькая чёрная блоха – потешалась, скалила зубки, повизгивала.

– Попались! Попались! – верещала она.

– Попались, – расстроено проговорил Клоп Клопыч.

Таракашка уже было хотел испугаться и крикнуть «Мамочка!», но подумал, что это никуда не годится – он ведь теперь не малявка какая-нибудь, а настоящий путешественник! И вместо «мамочки» он прошептал с чувством:

– Вот это да! Настоящие опасности!

Между Блохой и пауками просунулась уже знакомая Таракашке серая физиономия. Прищулив свои хитрые бесцветные глазки, Моль победно осмотрела связанных путешественников. Таракашке даже показалось, что она показала им язык. Он не удержался и ответил тем же. Маленькие глазки Моли расширились от изумления.

– Они? – спросила её Блоха.

– Они самые! – подтвердила Моль, захлёбываясь от злорадства. – Нарушители беспорядка!

– Они! – запищала Блоха и приказала паукам: – Тащите их!

Вот сейчас мы вас того! Как возьмём вас сейчас с поличным, да как засудим! Будете знать, как гулять!

Клоп Клопыч посмотрел на Таракашку и сказал ободряюще:

– Похоже, это тоже не просто Блоха, она, похоже, тоже чего-то съела!

– Ага, – согласился Таракашка, – собаку бешеную!

Блоха, услышав такое, заорала ещё громче и пронзительнее:

– И за собаку ответите! Ответите за собаку!

И она чуть ли не пинками стала подталкивать подчинённых ей пауков:

– Чего ждёте? Оглохли? Ведите их к Его Великомудрию!

Разберёмся с ними!

ВСЁ, КАК У ЛЮДЕЙ

Подхватив несчастных пленников под серы лапки, пауки – те, что были поздоровее, – потащили их в самый тёмный угол Поддиванья. Блоха прыгала впереди и без умолку прикрикивала:

– Тащите, тащите их! Вот сейчас мы вас того-самого! Как возьмём вас сейчас с поличным, да как засудим! Мало не покажется!

Иногда она подпрыгивала так необдуманно, что стучалась головой о потолок, падала, и Таракашке казалось, что она разбилась в лепёшку, но – не тут-то было! Все эти удары были Блохе нипочём – через секунду она вскакивала и продолжала орать ещё яростнее:

– Будете знать, как сами по себе гулять! Вот мы вам покажем!.. Вот мы уж вам навернём!

Клоп Клопыч и Таракашка молчали, только изредка переглядывались друг с другом и крепче сжимали лапки. Таракашке вдруг стало не так страшно, как поначалу, даже стало интересно, чем же всё это кончится. Но усики у него всё-таки слегка дрожали.

В Тёмном углу пленников остановили. Моль, деловито шурша, отползла в сторону и сказала куда-то в темноту:

– Они, они самые и есть – нарушители государственных границ, отец наш родной. Посягали на честь съеденного мундира!

– Про собаку, кормилицу, гадости говорили! – добавила Блоха, перестав прыгать.

И тут Таракашка и Клоп Клопыч увидели самого Паучищу. Он висел в углу на просторной блестящей паутине и посапывал. Таракашка удивился: он видел пауков на картинках – все они были огромные и страшные, с длиннющими лапами, с небольшими крепкими туловищами, с резными крестами на спинах. А то, что предстало теперь его глазам, выглядело какой-то карикатурой на паука, каким-то жалким подобием и просто убожеством! Это был не очень большой, даже, можно сказать, маленький – сразу-то его и не заметишь, – но зато довольно толстый паучок с белым мясистым телом без всяких крестов, с опухшими красными глазками и очень короткими, но очень волосатыми лапками. К тому же он постоянно жевал и почти не двигался. Нет, даже его подручные больше походили на хищных пауков, чем этот пузатый прыщик – так подумал Таракашка. Но Клоп Клопыч так не подумал, он вовсе не удивился, потому что знал: настоящие злодеи не столь страшны, сколь смешны и противны.

– Я есть Паучище Великий и Мудрейший, – заговорило маленькое чудище, – паукам и всем прочим насекомым – отец родной.

А вы кто ж такие, ребята?

– Мы путешественники, – сказал клоп. – Меня зовут Клоп Клопыч, а это – малыш Таракашка.

Блоха в этот момент расхохоталась, схватила за животик и стала громко орать:

– Малыш! Таракашка – замарашка! Клоп – клоп! Путешественники... – и она запнулась, сиюсь придумать рифму на это слово.

– Малыш? – переспросил Паучище, брезгливо рассматривая Таракашку. – Что-то не похож на малыша.

– Вы на моего родного отца тоже не похожи, – буркнул Таракашка.

Паучище такой большой наглости от такого крошечного пленника не ожидал. Он перевёл вопросительный взгляд на Моль, как бы выясняя, не послышалось ли ему. Моль смутилась.

– Хамит малыш, – сказала она.

– Я не малыш, – возразил Таракашка, – я школьник.

Паучище оставил его слова без внимания.

– Вы, робяты, – ска-
зал он хрипло, – незаконно вторглись
на территорию, принадлежащую мне, отцу родному.
– Позвольте узнать, с каких это пор? – не смог сдер-
жать возмущения Клоп Клопыч.

– А с таких! – ехидно ответил Паучище. – Вы там со-
сем одичали, робяты, в своих закусоньях! Живёте без
законов, без всяких правил! А Поддиванье отныне яв-
ляется империей, то есть государством в законе! Стало
быть, в ём всё неприкосновенно и всё наказуемо!

Моль снова выступила из тени вперёд.

– Когда входили, пограничную ножку видели? – спросила она.

– Ножку видели, – кивнул Клоп Клопыч.

Паучище укоризненно покачал туловищем.

– И всё-таки она вас, робяты, не остановила, вы всё-таки дальше по-
лезли!

– А нам та ножка не сказала, что она пограничная, – заметил Тара-
кашка.

– И что дальше идти нельзя, она тоже умолчала, – поддержал его
Клоп Клопыч.

Ободрённый поддержкой, Таракашка ещё развязнее добавил:

– Очень деревянная попалась ножка!

Паучище сощурил маленькие глазки и прошипел:

– Эта деревянная ножка – это и был пограничный столб, робяты!

– Эвон как... – нахмурился клоп. – А мы думали – ножка.

– Таперича пойдём дальше, – прохрипел Паучище.

– Пойдём! – согласился Таракашка.

Ему действительно очень хотелось пойти дальше, чтобы ос-
тавить позади всех этих существ, в чём-то непонятном его и Клоп Кло-
пыча обвиняющих. Они были ему неприятны. Особенно неприятным
было слово «робяты», которое Паучище всё время повторял. От этого
слова Таракашку всего корбило. А вот предложение «пойти дальше»
наоборот пришлось ему по душе, он даже вздохнул облегчённо и хотел
уже сделать шаг, но...

Но оказалось, что Паучище и не собирался никуда идти, он только
пошевелил слегка своими заплывшими телесами, подёргал паутинные

нити и снова принялся за допрос. Таракашка давно уже заметил, что у взрослых такое в порядке вещей: они говорят «пойдём дальше» и потом, вместо ходьбы, продолжают долго и нудно разговаривать.

— Когда вошли, — спросил Паучище, — представителя власти встретили?

— Встретили, — ответил Клоп Клопыч.

— И что?

— И ничего. Толку от вашего представителя — не больше, чем от той деревянной ножки. То есть, простите, от пограничного столба.

Моль засуетилась, затрясла пыльными крыльями:

— Опять типа посягнули! Опять в моём лице оскорбили власть типа!

— Что он сказал? — спросил Паучище куда-то в пространство, и непонятно было, кого и о чём он спрашивает. Таракашка этим воспользовался и ответил:

— Ваш представитель вас типом обозвал. Говорит: «власть типа»!

Моль, услышав это, перестала трясти крыльями и на всякий случай уползла в темноту.

— Что они говорят? — Паучище прямо растерялся. — Я чегой-то не понимаю!

— Они, отец родной, издеваются! — заверещала Блоха. — Нарушают законы и ещё насмеваются!

— Насмеваются над законом?! — Паучище изумился и, кажется, даже обрадовался. — Ай-яй-яй! Это плохо, ребята. Я бы даже сказал: это чирейвато! У нас ведь здесь не закусонья какие-нибудь незаконные, у нас тут всё, как у людей, ци-ви-ли-зованно и цен-тра-ли-зовано!

— Закон превыше всего! — проверещала Блоха.

— Правильно, — одобрил Паучище.

— А наказания существуют для того, чтобы карать тех, кто не знает законы! — не унималась Блоха.

— Верно говоришь, — кивнул Паучище. — Убедительно!

Паучище оправился от растерянности и снова угрожающе посмотрел на пленников.

— Вот вы, ребята, над законом насмехаетесь, — сказал он с недобрый назиданием, — а он, промежду прочим, вас всерьёз воспринимает! И потому будете вы по этому самому закону осуждены и приговорены к съедению за завтрашним обедом. Таково моё родное отцовское слово. А моё слово — и есть закон!

ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА И ПЕРВЫЕ ПРИМЕТЫ

Перед тем, как увести пленников в темницу, Паучище благосклонно позволил Клоп Клопычу сказать последнее слово. Таракашке, как несовершеннолетнему, таких привилегий по паучьему закону не полагалось.

Клоп Клопыч откашлялся, встал как можно прямее, посмотрел Паучище прямо в глаза и завёл свою последнюю речь.

— Ну что я могу сказать, — начал он издалека, пытаясь выбрать из своих умных мыслей самую главную. — Я повидал на своём веку много пауков. В основном это были благородные рыцари, они носили на спинах большие кресты и сражались с равными себе по силе противниками. Другие были санитарами — они истребляли нечистоплотных мух, заманивали в сети насекомых-вредителей, насмерть бились с осами. Да, они были беспощадны и во многом жестоки, но в их действиях можно найти мотив, в их поступках видны, так сказать, принципы...

Пока Клоп Клопыч говорил, Паучище как-то странно шевелил туловищем. Это шевеление, вероятно, происходило оттого, что чудище никак не хотело верить своим ушам и искало, у кого бы спросить, не послышалось ли ему всё это? Но Клоп Клопыч гнул свою линию.

— Крайне мало среди пауков подобных тебе, отец родной, — продолжал он с самым сосредоточенным видом. — Ты трус,

коли сводишь счёты с таракашками и клопами-пенсионерами. К тому же ты ещё и глупец, если думаешь, что твоя власть – вечна.

– А ещё ты обманщик и врун, – вдруг вставил, пугаясь собственной смелости, Таракашка, – если называешь себя великим и мудрейшим!

Паучище чуть повёл правой средней лапой.

– Уведите этих доходяг, – сказал он, зевая.

И тут же пленников схватили пауки-охранники и потащили в одно из тёмных углублений закутанного в паутину пространства.

На душе у Таракашки вдруг стало легко. По телу словно бегали сотни маленьких тараканчиков, и все они будто бы говорили, что он поступил правильно. Таракашке даже казалось временами, что он не меньше герой, чем его отважный друг Клоп Клопыч. И он старался прижаться к своему наставнику бочком, как бы выражая этим свою с ним полную солидарность.

Так, плечом к плечу, попавшие впросак путешественники гордо сменяли в суровую неизвестность, подгоняемые злобными слугами уже не страшного Паучищи.

– Таракашка, друг мой, – наставительно пробурчал Клоп Клопыч, который после своего последнего слова перестал кашлять и даже, казалось, чуточку помолодел, – во-первых, Паучище старше тебя, и неправильно было говорить ему «ты». Во-вторых, обманщик и врун – это одно и то же. Но во всём остальном ты исключительно прав.

– Одно и то же... – повторил Таракашка. Он пребывал в глубокой задумчивости. Один вопрос в данную минуту очень интересовал его. – Клоп Клопыч, а доходяги – это кто?

– Какие доходяги? – не понял Клоп Клопыч.

– Ну, этот Паучище нас доходягами назвал...

Но тут Таракашка вспомнил, чему его учил Клоп Клопыч, и стал размышлять вслух, пытаясь найти ответ самостоятельно.

– Ага, доходяги... Доходяги – это... скорее всего, путешественники... которые шли, шли... и наконец дошли до цели! Правильно?

– Хватит болтать, насекомыши! – окрикнул его паук-охранник.

Таракашка так и не понял, правильными ли оказались его умозаключения. Пришлось замолчать и двигаться дальше.

Когда проходили мимо плетёных паучьих жилищ, произошло странное. Сперва послышался гул, потом будто бы скрипнула земля под лапами, и всё кругом покачнулось. Потолок, казалось, осел и прогнулся над головами путешественников.

Процессия остановилась.

– Что это у вас происходит? – спросил Клоп Клопыч. – Что за грохот?

– Это не грохот, – строго, но без злобы ответил пожилой паук-охранник. – К Его Великомуудрию цикады приехали, – наверное, это они поют.

– Цикады? – удивился клоп. – Непохоже это на цикад.

– Иди, иди, дед, не твоего ума дело! – сказал другой паук, тот, что был помоложе. – Сказано цикады – значит, цикады и есть!

И он грубо подтолкнул пленников.

Процессия продолжила свой путь, и тут Таракашка услышал, как пауки-охранники стали шептаться между собой.

– А правда, что за толчки? – спросил тот, что помоложе. – Землетрясение?

– Плохая примета, – ответил другой, постарше. – Моя бабуся рассказывала такую легенду: когда на Человека сердится Человечья жена, она выгоняет его из спальни, и тот отправляется спать на диван. Тогда-то и происходит такое сотрясение устоев!

– Да ну тебя! – махнул лапой паук помоложе. – Суеве-рия! Я вообще не верю в Человека. В Человека верят только насекомые, а мы – пауки, ребята передо-вые, членистоногие!

– Не скажи, – шепнул паук постарше, – всё равно не по себе как-то...

ВЕСЬМА НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Пауки-охранники втокнули Клоп Клопыча и Таракашку в тёмное сырое помещение, проще говоря, в темницу. Таракашка вгляделся в полумрак и увидел нечто странное: источник неяркого света, похожий на свечной фитиль, стал двигаться навстречу пленникам от дальней стены. Таракашка и Клоп Клопыч переглянулись. Таракашка хотел было испугаться и даже взвизгнуть, но вспомнил, что ещё совсем недавно он не испугался Паучищи и его прихлебателей, а значит, ему можно было теперь вообще ничего не бояться.

Существо приблизилось к путешественникам и скрипучим голосом произнесло:

– Не бойтесь меня.

– А мы и не боимся, – сказал Таракашка, храбрясь. – Вы призрак? Или привидение?

– Не то, не другое, – ответило существо. – Я обыкновенный комар.

Существо, по всей видимости, действительно было комаром, но уж никак не обыкновенным. О чём Клоп Клопыч тут же ему и заметил.

– Жаль, – сказал обитатель темницы. – Что ж, тогда скажем так: я необыкновенный комар.

Он был настолько худ и прозрачен, что походил больше на комариную тень. Вдрызг разорванные крылья волочились по полу прозрачной бахромой, лапки были так тонки, что их едва можно было различить, а длинное комариное жало вообще у этого чуда отсутствовало. Кроме того, комар светился, и его неяркого свечения хватало, тем не менее, чтобы осветить всю темницу.

Клоп Клопыч долго смотрел на необыкновенного обитателя здешних мест, а потом вдруг будто что-то припомнил.

– Постойте, постойте! – оторопел он. – Я, кажется, вас знаю! Уж не со знаменитым ли Комар Комарычем Вегетарианцем имеем мы честь беседовать?

Комар грустно улыбнулся и смущённо склонил голову в полупоклоне.
– Собственной персоной, – сказал он. – Весь к вашим услугам, дорогие друзья.

– Таракашечка! – завопил Клоп Клопыч, вмиг забыв обо всех сегодняшних злоключениях. – Малыш! Это же знаменитый Комар Комарыч Vegetарианский! Собственной персоной! Это же выдающееся существо, титан духа, матёрый комарище, превозмогший свою сущность!

Таракашка так был ошарашен прыжками Клоп Клопыча, что тоже забыл обо всём и лишь пытался понять слова своего наставника, усердно повторяя их вслух:

– Сущность... существо... матёрый дух... взмокший...

Но смысл сказанного от этого не становился ему янее.

Наконец, когда запал иссяк и началась одышка, Клоп Клопыч осторожно обнял комара (тот выглядел таким хрупким, что клоп опасался его разломить), потом отвлёк Таракашку в сторону и стал объяснять вполголоса:

– Вот так встреча! – изумлённо пыхтел он. – Представляешь, малыш, я слышал об этом насекомом ещё в пору своего отрочества! И никогда до конца не верил, что это правда. Думал, выдумки! – Он на всякий случай оглянулся на Комара Комаровича. Но тот был на месте, он не испарился, как привидение, и не упорхнул, словно призрак. И тогда Клоп Клопыч смирился. – Теперь-то, на старости лет, мне придётся поверить в его существование, ибо я вижу факт своими глазами, находясь, так сказать, в здравом рассудке и трезвой памяти!

Таракашка подумал, что в нетрезвой памяти он никогда Клоп Клопыча и не видел – ни к чему было об этом и говорить.

– Как тебе повезло, малыш! – не унимался клоп. – Комар Комарыч Vegetарианский! Насекомое-легенда!

– Вы преувеличиваете, дружище, – промямлил комар, прекрасно всё слышавший.

– Ничуть! Ничуть! – запротестовал Клоп Клопыч.

Комар Комарыч скромно потупился и сказал:

– И всё-таки навряд ли можно назвать везением, когда юный таракан попадает в темницу.

– Ах, вы об этом, – как-то сразу пал духом Клоп Клопыч, в одно мгновение вспомнив о том, что с ними приключилось. – И всё-таки – это удивительная встреча! Вот увидишь, Таракашка, скоро в старших классах станут изучать биографию этого выдающегося существа!

– До старших классов я могу не дожить, – заметил Таракашка.

Клоп и комар переглянулись.

– Малыш прав, увы, – сказал Клоп Клопыч.

– Действительно, – согласился Комар Комарыч.

– Досадно – не то слово, – заметил клоп. – Будет просто катастрофа...

– Согласен, – кивнул комар. – Произойдёт катастрофа, если юноша не успеет ознакомиться с моей биографией, хотя бы в кратком изложении. Ведь это так поучительно...

Таракашка не знал, огорчаться ему или пока подождать. Иногда он не очень понимал, что хотят сказать взрослые. Вот и сейчас он совершенно запутался в происходящем. Поэтому он стоял молча и даже не шевелил усами. Неловкую паузу прервал Комар Комарыч.

– Ну вот что, дорогие мои, – сказал он, – я сам должен рассказать юноше о себе. Так сказать, в назидание грядущим насекомым.

Он указал путешественникам на два окаменевших пыльных катышка, оставленных здесь вместо табуреток, а потом выгреб откуда-то из угла кучку хлебных крошек – не съеденные тюремные пайки. Таракашка и Клоп Клопыч накинудись на еду, а Комар Комарыч Вегетарианский начал свой рассказ.

НАСЕКОМОЕ-ЛЕГЕНДА

– Я родился много месяцев назад, – начал свой рассказ Комар Комарыч, – в старом заброшенном аквариуме, который стоит на Подоконничном плато, на солнечной стороне мира. По комариным меркам я – долгожитель. С самого рождения что-то подсказывало мне, что я рождён не обычным комаром, и что судьба моя – плыть против течения устоявшихся традиций насекомой жизни. Вечером первого своего дня я пошёл в начальный класс комариной школы. Я хотел научиться читать слова на корешках человеческих книг, считать расцветы, играть гаммы на капельках росы, но вместо этого нас учили только одному – вонзать своё жало в различные виды кож, высасывать кровь различных живых существ, переваривать её. На следующий день, когда я пошёл во второй класс, я обнаружил, что вся образовательная программа вертится вокруг этой темы. Расположение кровеносных сосудов, группы крови... Меня мучило только от названий комариных учебников. Представляете, комариков, этих крошечных неразумных козявок, учили только одному – насыщению собственных брюшек!

– Жуть! – сказал Таракашка.

– Ай-яй-яй, – покачал усиками Клоп Клопыч. – Комары – такие утончённые и грациозные существа...

– До первой крови, дружище, – вздохнул Комар Комарыч, – только до первой крови!.. В общем, я выдержал четыре класса, на пятый день я демонстративно улетел из школы. Я отказался от употребления крови и выбросил своё жало. Вопреки законам физики, летать мне от этого стало только легче.

Таракашка подумал: «Я так и знал, что с этой физикой что-то напутано!»

Комар Комарыч продолжал, всё больше воодушевляясь:

— И я взлетел к самой высокой точке нашей вселенной — к Люстре, стал летать вокруг её светящихся плафонов и жужжать о том, что пить кровь подло и безнравственно! Но никто не слушал меня. Ничего им не нужно было, кроме человеческой крови — вкусной, дешёвой, опьяняющей! Комары возвращались после ночной смены сытые и пьяные, они валялись на подоконник, дребезжали отвратительные, лишённые музыки песни и пытались из всех оставшихся сил насладиться считанными часами своего недолгого существования. Мои незадачливые собратья даже не улавливали частоты, на которых вещал я свои проповеди! Несчастные слепцы! Пьяная голова глуха к гармонии мира, перенасыщенный желудок невосприимчив к симфониям разума! Они не хотели слышать меня, они только насмехались надо мной, гнали меня. Я пробовал открыть им глаза, достучаться до их сердец, а они только жаловались на свою проклятую жизнь, на обстоятельства, которые не позволяют им быть счастливыми. Они сами же себя проклинали, бестолковые неучи! И при этом напрочь отказывались понимать, что дело в них самих! Все горести и напасти они сваливали на Человека, в нём одном видели источник своей комариной распушенности!

— Люди, — говорили они, — это ужасные создания! Они кроваважны и неразборчивы. Они подавляют нас. Они уже подавили столько наших собратьев, что нам остаётся только мстить.

Другие были более откровенны, они запросто признавались,

что человеческая кровь – самая вкусная и самая дешёвая, её не надо долго искать, она лучше всего другого утоляет голод и жажду!

И всё-таки эти неразумные существа были моими братьями, и я жаждал помочь им! Да, они не слышали меня, но я-то, я-то их слышал! Ради них я решился на отчаянный поступок – я полетел к Человеку, прямиком к его уху. Что-то подсказывало мне, что такое большое ухо не может быть глухим.

Человек лежал на кушетке и, вы знаете... он был в таком состоянии, что немногим отличался от пьяного комара, разве только размером. По сути, передо мной лежало бессмысленное создание, чья жизнь была равна по своей бессмысленности миллиарду комариных жизней. И всё же я спикировал к его уху и принялся взывать к его разуму, стал умолять не убивать больше комаров и мух, не включать фумигатор, не подвешивать к люстре липких отвратительных мухоловок. И, знаете, – возможно, это мне показалось, – но человек что-то почувствовал... Он зашевелился, задёргал веками, повёл плечами... Он подал признаки жизни! Но и это ещё не всё. Он выпростал из-под подушки руку и, размахнувшись, со всей силы ударил себя ладонью по лбу.

«Он понял! Он опомнился!» – мелькнуло и у меня в голове! Но сам я, оглушённый и расплющенный, упал на пол, ибо попал под тот самый удар, весом в миллион комариных сил... Я оказался между рукой и лбом человека и поплатился за это сполна.

Комар Комарыч на секунду прервал свой рассказ и обхватил свою голову лапками. Воспоминания о том ударе передёрнули всё его тельце. Но он быстро пришёл в себя и продолжал:

— Но я не жалею. Я был контужен, я чуть было не погиб, но моё жужжание возымело результат, пробудило человеческую мысль — это главное! Мои крылья были переломаны, туловище смято, но душа моя пела от радости! Я чувствовал себя счастливым. Что-то подсказывало мне, что я исполнил свой комариный долг!

— Вы поступили благородно, — сказал Клоп Клопыч.

Таракашка дёрнул его за лапку и тихо спросил:

— Клоп Клопыч, мне тоже всегда надо поступать именно так?

Клоп замешкался с ответом.

— Видишь ли... — пробурчал он недовольно, — бывают разные обстоятельства... и вообще, не перебивай, дай дослушать рассказ! И что же, — обратился он к Комар Комарычу, — надеюсь, ваши старания возымели результат?

Рассказчик опустил все свои лапки и как-то сник.

— Смешно сказать, — печально вымолвил он, как бы стыдясь признаться, — но в комарином мире ничего не изменилось. Ничего. Наверное, Человек всё-таки не расслышал моих слов...

О ПИТАНИИ И СНЕ

— Но зато изменился я, — подвёл итог своему рассказу Комар Комарыч. — После этого случая я вообще перестал нуждаться в пище и питье и вследствие этого сделался практически невесом. Я прозрачен до такой степени, что чувствую себя частью окружающего меня мира. Я научился летать, не пользуясь крыльями, и светиться светом исполненных долгов. Я брожу по насекомому миру и помогаю всем, кто нуждается в моей помощи.

В речи Комара Комарыча было очень много неизвестных слов и непонятных Таракашке

оборотов, но он почему-то понимал всё, о чём говорил этот комар печального образа. Таракашке казалось даже, что тот не говорит, а исполняет музыкальную пьесу, в которой каждая нота ясна и прозрачна. И всё же некоторые вопросы возникали.

— А как же вы попали сюда? — спросил Таракашка.

— Так и попал, — сказал Комар Комарыч, — Бродил-бродил, и вдруг что-то подсказало мне, что под диваном творится неладное. Я отправился в Поддиванье, а тут уж всё просто: был встречен и препровождён прямо к Паучище, так называемому отцу родному.

— И что?

— Мы побеседовали слегка, — горько улыбнулся комар. — Но слова мои не коснулись его спящего разума, и я был приговорён к съедению на обед и препровождён сюда, в тюрьму.

— У меня есть вопрос, — сказал Таракашка и даже по школьной привычке с нетерпением поднял вверх правую лапку. — Я никак не могу понять, почему этот Паучище отправляет в тюрьму честных насекомых? Ведь тюрьма — это место для преступников, для всяких злодеев! Правильно? А вы, уважаемый Комар Комарыч, не похожи на злодея. Да и мы с Клоп Клопычем — не злодеи ведь! Ведь нет?

Клоп Клопыч с Комар Комарычем многозначительно переглянулись.

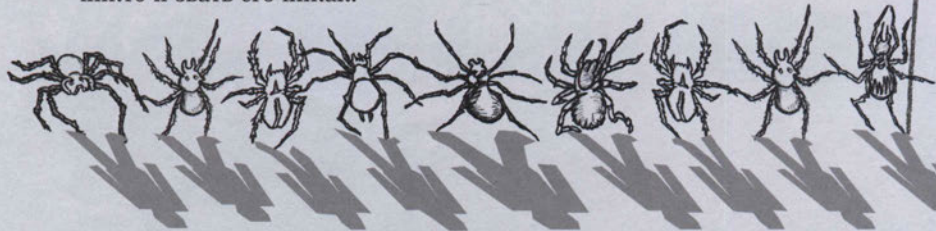
— Не злодеи, не злодеи, — успокоил его клоп.

— Видишь ли, малыш, — сказал комар, — дело в том, что Паучище сам и есть преступник. А всякий преступник боится честности и порядочности. Поэтому в тех местах, где власть принадлежит злодеям, честность и порядочность попадает за решётку.

— Да, малыш, — подтвердил Клоп Клопыч. — Паучище нас просто боится.

— Боится? — удивился Таракашка. — Чего ж ему нас бояться! У него — прислужники, охранники, всё Поддиванье у него в подчинении...

— Вот он и боится всё это потерять. Боится, что мы у него всё это отнимем, и он останется ни с чем. А без охраны и прислужников он — никто и звать его никак!

Таракашка от таких ответов только всё больше недоумевал.

– Как же мы можем это отнять!? Ведь мы безоружные!

– Что-то подсказывает мне, что мы не такие уж безоружные, – сказал Комар Комарыч. – Смотри что считать оружием. Честность и порядочность – это тоже оружие.

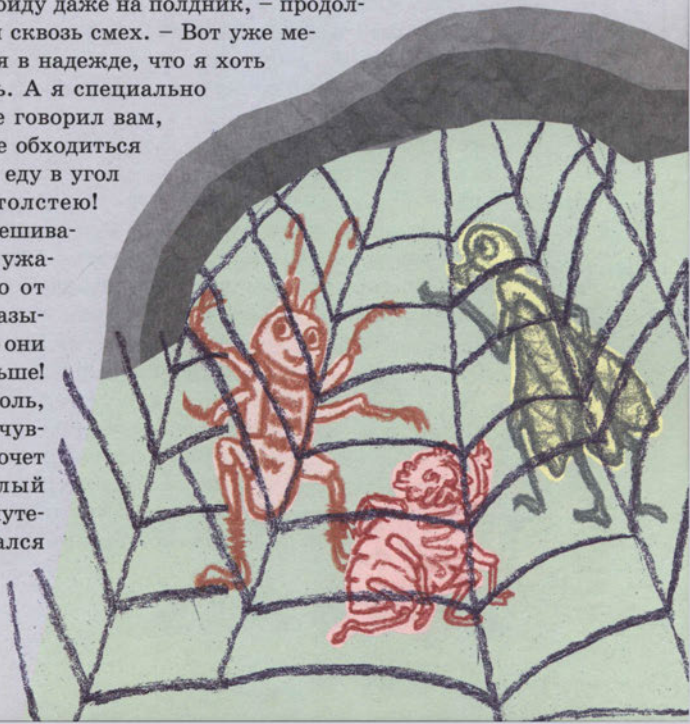
– Ещё какое! – снова подтвердил Клоп Клопыч. – Такое оружие может целую армию победить! Причём без единого выстрела.

– Вот поэтому мы представляем для Паучицы и его свиты огромную опасность, – подытожил комар. – И значит, нас лучше съесть. За обедом... Только... – он вдруг хитро улыбнулся и подмигнул Таракашке, – только какой из меня обед?! А?

И Комар Комарыч рассмеялся. За ним улыбнулся и Клоп Клопыч. Таракашка терпел, терпел, да не выдержал – и тоже расхохотался. Он сначала подумал, что смеяться в его положении неуместно, но когда увидел смеющегося комара и утопающего в улыбке Клоп Клопыча, понял, что ошибался.

– Видите, я не подойду даже на полдник, – продолжал Комар Комарыч сквозь смех. – Вот уже месяц они кормят меня в надежде, что я хоть немного поправлюсь. А я специально ничего не ем. Я уже говорил вам, что научился вообще обходиться без пищи. Прячу их еду в угол и ни капельки не толстею! Они каждое утро взвешивают меня и охают от ужаса. Да, да – именно от ужаса! Что-то подсказывает мне, что от этого они бояться меня ещё больше!

Насмеявшись вдоволь, Таракашка вдруг почувствовал, что очень хочет спать. Он ведь целый день был на ногах, путешествовал, подверглся

опасностям и так устал, что глаза его сами собой стали закрываться. Он присел в уголок и сказал очень путано, потому что язык его тоже засыпал:

– Я прилягу... Не могу... Вздремну хотя бы пять минуточек, ладно? А вы придумайте, пожалуйста, как нам... спастись... вы же самые... умные... дяденьки...

И он быстро уснул.

МОЛОДОСТЬ И ЗРЕЛОСТЬ

Комар Комарыч и Клоп Клопыч озадаченно посмотрели друг на друга.

– Как вам это нравится? – произнесли они одновременно и так же одновременно развели лапками.

– Здоровый молодой организм взял своё, – сказал клоп и почесал свою рыжую грудку. Он тоже очень устал, ему тоже больше всего на свете хотелось лечь и уснуть, но он ведь нёс ответственность за своего молодого друга, который, кроме всего прочего, считал его самым умным дяденькой! – Эх, молодость, молодость... А ведь он уверен, что мы обязательно что-нибудь придумаем, выкарабкаемся из этой ситуации. Иначе бы не заснул.

– Дети всегда уверены во взрослых, – вздохнул комар.

– Да, но взрослые не всегда оправдывают их доверие, – сказал клоп.

– У нас такой возможности нет, что-то подсказывает мне, что нам придётся оправдать его надежды.

– А вам ничего не подсказывает, как это сделать?

Комар Комарыч в задумчивости потерял свой урезанный нос. Потом отошёл в противоположный угол темницы и отогнул от стены сгнившую щепку. И Клоп Клопыч увидел за этой щепкой небольшое круглое отверстие.

– Вот, – тихо сказал комар. – Никто, кроме меня, не знает об этом лазе.

Клоп Клопыч приблизился к отверстию, внимательно его рассмотрел.

– Похоже, древоточец работал, – заключил он. – Знал я одного древоточца...

– Ход ведёт наружу, но он очень узкий, – пояснил Комар Комарыч. – Таракашка не пройдёт. Я пройду, вы пройдёте, но не он.

– А может, всё-таки... пропихнём?

– Не-а, застрянет. Молодость не признаёт узких ходов, ей нужны большие двери, широкие дороги. Это нам, старикам, остаётся довольствоваться лазейками. Клоп Клопыч кивнул.

– Это точно, – согласился он, – наши двери закрываются, пора выходить... Так, что вы предлагаете, дружище?

Комар развёл лапками в нерешительности.

– Я не знаю... Может быть, я вылезу наружу и ещё раз попробую установить контакт с Человеком? Вдруг он поможет? Что-то подсказывает мне, что на этот раз...

Клоп Клопыч мягко, но решительно перебил его.

– На этот раз мы поступим иначе. Прошло время разговоров, надо действовать, и действовать немедленно! – Он погладил свою бородку и заковылял по темнице взад-вперёд, прихрамывая на правую ножку. – Давай-

те так. Наружу поползу я. Комар на Человека впечатления не произведёт, даже такой чудесный, как вы. А вот на клопа он сразу отреагирует. Я укушу его легонько – за ухо, или там за плечо, а дальше... Дальше – увидите сами и ориентируетесь по ситуации.

– Укусите? – с сожалением переспросил Комар Комарыч. – Ну что ж... Если другие аргументы исчерпаны... Только вы уж, пожалуйста, не больно кусайте.

– Да много ли я откушу! – сказал клоп. – У меня уж и челюсти-то все стёрлись давно, а протез вставить – средств, знаете ли, не хватает. Я ведь тоже, дружище, почти вегетарианец... Обещаю вам, что это будет щадящий укус.

– Но будет ли толк от вашего укуса?

– О! Не беспокойтесь. Если клопу дать точку опоры, он может перевернуть и диван. – Клоп Клопыч посмотрел сначала на спящего Таракашку, потом на комара. – А у меня целых две точки опоры. Так можно и всю империю рассыпать.

– Вы герой, – Комар Комарыч всеми своими лапками пожал лапу Клоп Клопыча и помог ему забраться в отверстие. – За юношу не беспокойтесь: если что, я его не брошу.

– Да, если что... помогите ему домой вернуться, – сказал клоп, прихрамывая к неудобству узкого хода. – Сдаётся мне, из него выйдет неплохой таракан.

Уже почти исчезнув из вида, он высунулся обратно и спросил:

– Кстати, дружище, а почему же вы сами до сих пор не убежали через этот ход?

– А зачем? – хмыкнул Комар Комарыч. – Бежать, – значит полностью разувериться в том, что справедливость восторжествует. А я верю в справедливость, в высшую насекомую справедливость.

Прощавшись с клопом, Комар Комарыч сделал несколько полезных для тела и духа упражнений, потом сел в позу марширующей личинки и стал ждать торжества справедливости. Что-то подсказывало мудрому насекомому, что оно вот-вот настанет.

«АТАС!»

Таракашке снилась Мушка. Сон был приятным, пока в нём не появились мушкины родственники – крупные зеленоватые мухи, её тётка с дядькой. Они сразу всё испортили: будто наяву, стали запрещать Мушке улетать из Закарнизного квартала, укладывали её спать, а задом и Таракашку пытались силой уложить в постель. Но Таракашке не нравилась такая перспектива – продрыхнуть все зимние каникулы! Он стал сопротивляться, кричать, и вдруг...

Вдруг что-то выкинуло Таракашку из сна. Перед глазами всё тряслось. Не сразу сообразив, кто он и где находится, Таракашка увидел

Комар Комарыча, который упорно тряс его за усики. Но и когда комар отпустил Таракашку, убедившись, что тот проснулся, всё вокруг продолжало трястись. Ходил ходуном пол, колыхались стены, с потолка сыпалась деревянная труха. Таракашка ошарашено вращал глазами и не мог ничего понять.

– Просыпайся, сынок! – произнёс Комар Комарыч. – Надо уходить. Что-то подсказывает мне, что здесь всё сейчас рухнет!

– А где Клоп Клопыч? – разволновался Таракашка. – Я без него никуда не пойду!

– Клоп Клопыч наверху, – попытался успокоить его комар. – Видишь вот это всё? Так вот это он трясёт!

Таракашка что-то припомнил и обрадовался:

– Да, он говорил, что собирается тряхнуть старинной!

– Вот! – кивнул комар. – Надо уходить, пока он не сильно натряс!

С этими словами он взял Таракашку за усики (в данной ситуации это было гораздо удобнее и практичнее, чем брать его за лапку) и стремительно потянул к входной двери. В дверь не пришлось даже стучаться, она отворилась сама, точнее, просто упала плашмя прямо перед Таракашкой и его новым наставником.

Едва пленники выскочили из темницы, как её стены и потолок сложились карточным домиком. Таракашка с удивлением заметил, что пауки-охранники поспешно расползаются в разные стороны и совершенно не намерены ловить его и Комар Комарыча. И не только охранники – все окрестные поддиванцы копошились во внезапной панической неразберихе. Кипело и двигалось паучье царство, улепётывали пауки, уносили лапки паучихи, сверкали пятками паучки и паучата.

Поддиванье трещало по швам, паутина лопалась и повисала на рожках застигнутых врасплох жителей. Некоторые беглецы запутывались в её ошмётках и падали, теряя захваченный наспех скарб. Всё это так ошеломило Таракашку, что он даже забыл о Клоп Клопыче, а когда вспомнил, ему стало страшно за своего старшего друга – куда он подевался? Вдруг с ним что-то случилось?

Мимо Таракашки стремительно проползла Моль. В глазах её Таракашка увидел ужас, а лица на ней вообще не было.

– Атас! – истерическим голосом вопила Моль. – Атас! Чем-то накрывает нас! Спасайся, кто типа может!

И Таракашка уже готов был последовать её призыву, но Комар Комарыч остановил его.

– Стоп, – сказал он, невозмутимо сохраняя спокойствие. – Что-то подсказывает мне, что надо идти, а не бежать. Причём в сторону, противоположную той, куда рвётся вся эта камарилья!

– Паучилья, – поправил Таракашка чисто автоматически (он и думать не думал, что Комар Комарыч что-то мог сказать неправильно). – Клоп Клопыч говорил, что если не знаешь, куда идти, идти нужно на свет.

– Умница наш Клоп Клопыч, – пискнул комар, и друзья быстрым шажком засеменили в ту сторону, где вертелись в пыльном воздухе всполохи света.

Комар Комарыч ловко проскальзывал между паутинных переплетений, протаскивал за собой Таракашку, да ещё успевал комментировать.

– Они убегают во тьму, потому что привыкли к ней, привыкли прятать и прятаться, – говорил он. – А идти надо только на свет, потому что на свету безопаснее. Тем более, когда кругом всё дрожит и валится.

Кто-то завизжал под Таракашкиными ногами. Спутники остановились и стали разгребать завал огромных стружек, поролонового крошева и спичечного угля. С усилиями извлекли оттуда существо, в котором Таракашка угадал вчерашнюю бойкую Блоху. Именно угадал, потому что узнать её сейчас было трудно – вся бойкость исчезла, а тельце от пыли и страха из чёрного превратилось в пепельно-серое.

– Что ж это? Кто позволил? – всхлипывала Блоха. – Кто допустил?

Ничего более вразумительного сказать Блоха не могла, она только визжала, чихала и падала в обмороки. Таракашка хотел было бросить её и идти дальше – Блоха не вызывала у него ни капельки сочувствия! Так ей, вредной, и надо! Но Комар Комарыч остановил его, сказав, что помогать надо всем, кто по-

пал в беду. Таракашке стало совестно, он поспешил подхватить несчастное насекомое подмышки, да, видно, вцепился так, что Блохе стало щекотно.

– Не трогайте меня! – вдруг заверещала она прежним пронзительным голосом. – Я – лицо неприкосновенное!

– Да мы к лицу и не прикасаемся! – сказал Таракашка. – Мы вас подмышки возьмём.

Голос у Блохи сорвался, и она захрипела:

– Подмышки тоже... Не имеете права...

И в изнеможении задёрнула конечностями.

Комар Комарыч с Таракашкой не обратили внимания на её слова, они молча подхватили вздорное насекомое и потащили с собой – надо было найти безопасное место. Блоха прекратила издавать глупые звуки и от страха плотно-плотно зажмурила глаза.

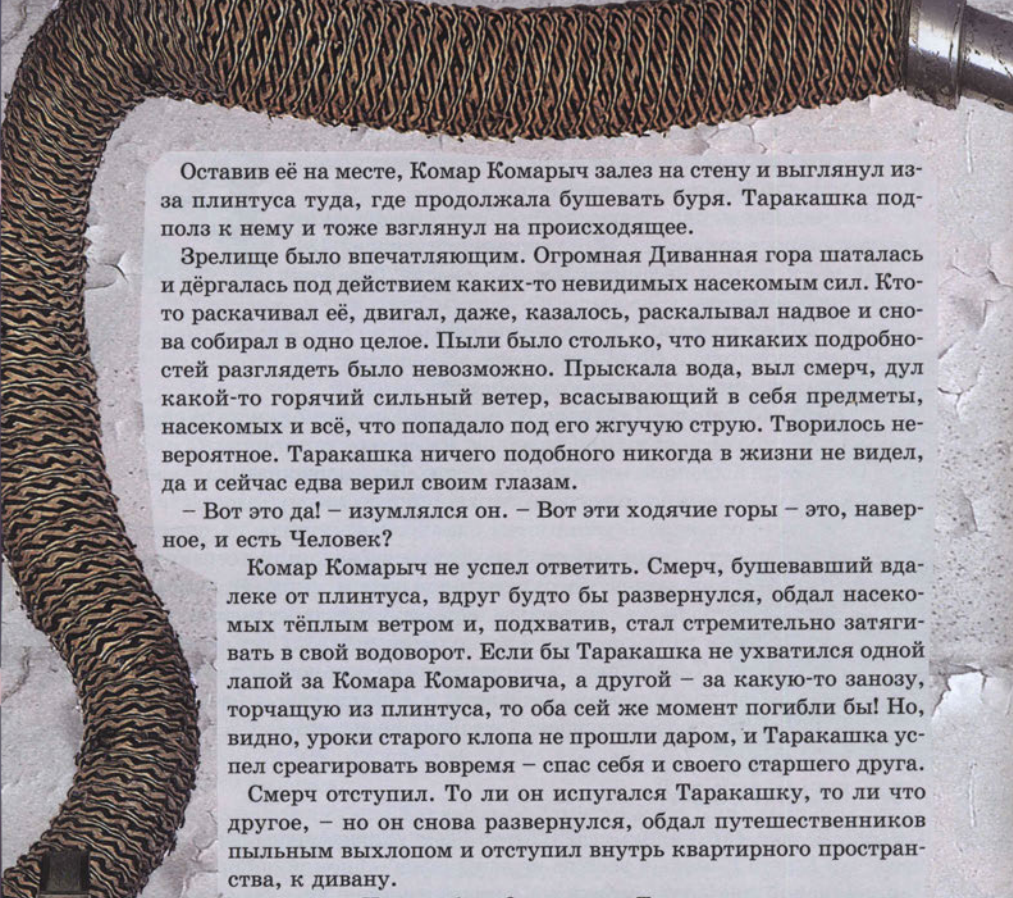
До света оставалось уже совсем близко. Наткнулись на последнюю стену туго переплетённой паутины – её внешний пограничный слой. В этот момент сверху раздался грохот, скрежет, скрип, и тёмный потолок стал чудесным образом уходить куда-то в сторону. Паутина лопнула сразу в нескольких местах. Свет ослепил на мгновение Таракашку, и он растерянно остановился. Комар Комарыч подтолкнул малыша вперёд – к плинтусу, к расщелине, в которой любая опасность уже была не страшна.

ЗА ПЛИНТУСОМ

Долго не мог Таракашка отдышаться. Тем удивительнее было для него, что Комар Комарыч вообще не запыхался – спокойно бродил по Заплинтусной пещере и собирал в ладонки капельки влаги, чтобы вспрыснуть Блоху. Таракашке хотелось спросить у комара про Клоп Клопыча, но он боялся. Он теперь многого не боялся: не испугался Паутицу, не боялся даже, когда рядом с ним падали стены и уходил потолок, а спросить про Клоп Клопыча почему-то было страшно. Таракашка и сам не мог понять, чего и почему он боится.

Комар тем временем оросил блошиную мордочку добытыми каплями. Блоха открыла глаза и стала приходить в сознание, бурча что-то неразборчивое.

Оставив её на месте, Комар Комарыч залез на стену и выглянул из-за плинтуса туда, где продолжала бушевать буря. Таракашка подполз к нему и тоже взглянул на происходящее.

Зрелище было впечатляющим. Огромная Диванная гора шаталась и дёргалась под действием каких-то невидимых насекомых сил. Кто-то раскачивал её, двигал, даже, казалось, раскалывал надвое и снова собирал в одно целое. Пыли было столько, что никаких подробностей разглядеть было невозможно. Прыскала вода, выл смерч, дул какой-то горячий сильный ветер, всасывающий в себя предметы, насекомых и всё, что попадало под его жгучую струю. Творилось невероятное. Таракашка ничего подобного никогда в жизни не видел, да и сейчас едва верил своим глазам.

— Вот это да! — изумлялся он. — Вот эти ходячие горы — это, наверное, и есть Человек?

Комар Комарыч не успел ответить. Смерч, бушевавший вдалеке от плинтуса, вдруг будто бы развернулся, обдал насекомых тёплым ветром и, подхватив, стал стремительно затягивать в свой водоворот. Если бы Таракашка не ухватился одной лапой за Комара Комаровича, а другой — за какую-то занозу, торчащую из плинтуса, то оба сей же момент погибли бы! Но, видно, уроки старого клопа не прошли даром, и Таракашка успел среагировать вовремя — спас себя и своего старшего друга.

Смерч отступил. То ли он испугался Таракашку, то ли что другое, — но он снова развернулся, обдал путешественников пыльным выхлопом и отступил внутрь квартирного пространства, к дивану.

— Что это было? — спросил Таракашка, переведа дух. Комар Комарыч старался сохранить спокойствие, но сейчас и ему было не по себе.

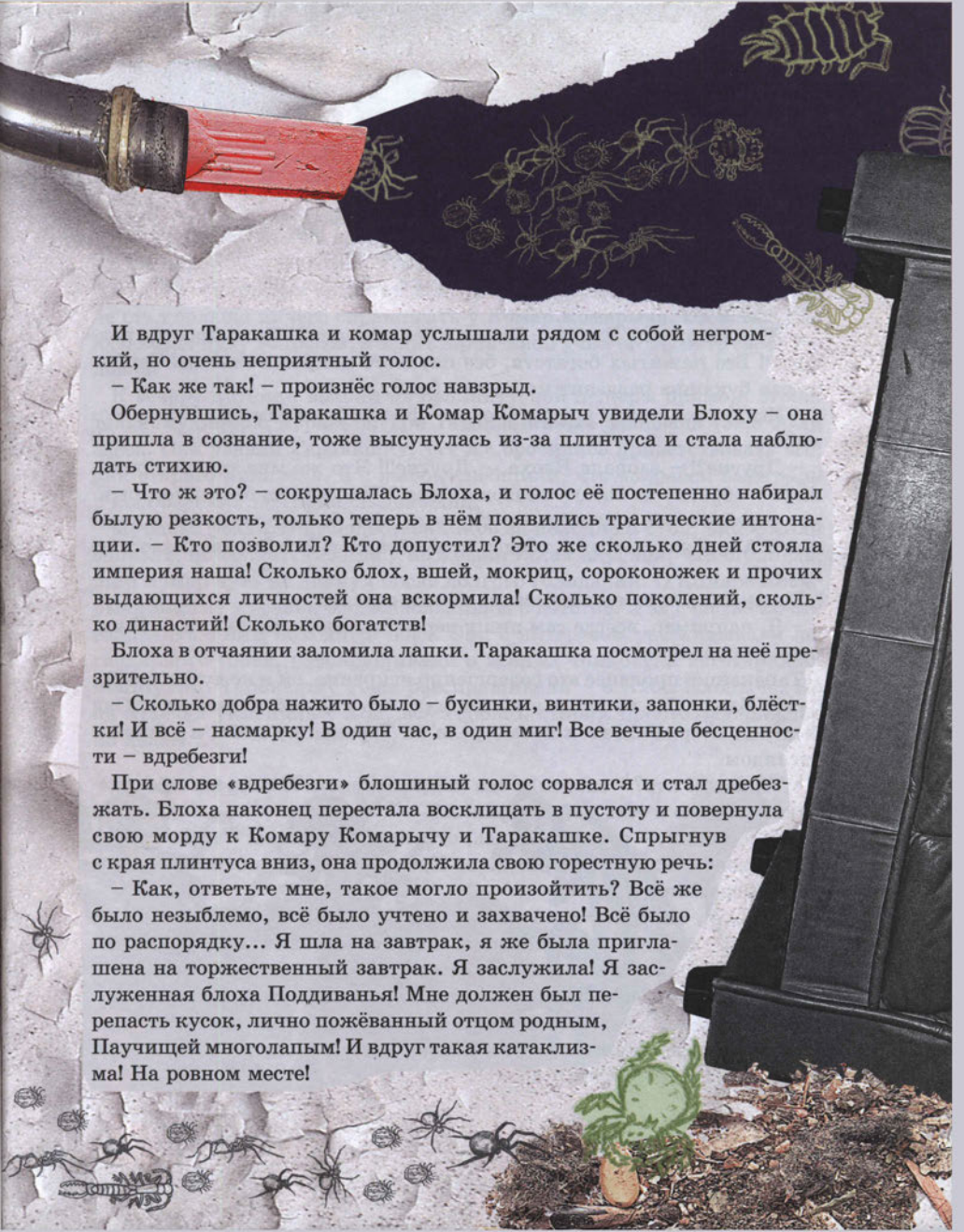
— Что-то подсказывает мне, — сказал он, слегка заикаясь, — что это был пылесос.

— А что это — пылесос?

— О! — Комар Комарыч простёр к небу четыре лапы. — Пылесос — это великая стихия! Это такой неукротимый смерч, который уносит всё живое!

И вдруг Таракашка и комар услышали рядом с собой негромкий, но очень неприятный голос.

— Как же так! — произнёс голос навзрыд.

Обернувшись, Таракашка и Комар Комарыч увидели Блоху — она пришла в сознание, тоже высунулась из-за плинтуса и стала наблюдать стихию.

— Что ж это? — сокрушалась Блоха, и голос её постепенно набирал былую резкость, только теперь в нём появились трагические интонации. — Кто позволил? Кто допустил? Это же сколько дней стояла империя наша! Сколько блох, вшей, мокриц, сороконожек и прочих выдающихся личностей она вскормила! Сколько поколений, сколько династий! Сколько богатств!

Блоха в отчаянии заломила лапки. Таракашка посмотрел на неё прерывительно.

— Сколько добра нажито было — бусинки, винтики, запонки, блёстки! И всё — насмарку! В один час, в один миг! Все вечные бесценности — вдребезги!

При слове «вдребезги» блошинный голос сорвался и стал дребезжать. Блоха наконец перестала восклицать в пустоту и повернула свою морду к Комару Комарычу и Таракашке. Спрыгнув с края плинтуса вниз, она продолжила свою горестную речь:

— Как, ответьте мне, такое могло произойти? Всё же было незыблемо, всё было учтено и захвачено! Всё было по распорядку... Я шла на завтрак, я же была приглашена на торжественный завтрак. Я заслужила! Я заслуженная блоха Поддиванья! Мне должен был перепасть кусок, лично пожёванный отцом родным, Паучищей многолапым! И вдруг такая катаклизма! На ровном месте!

На глазах Блохи появились нешуточные слёзы.

– Но вы же живы, – сказал Таракашка. – Вы же спаслись, чего ж вы так верещите?

– Я? – закричала Блоха. – Да что я без империи?! Кто я без отца родного?! Без нажитых богатств, без паучьего покровительства! Теперь любая букашка раздавит меня, как бациллу!..

– Живут же как-то другие блохи, – философски заметил Комар Комарыч.

– Другие?! – заорала Блоха. – Другие!!! Что же мне теперь прикажете – обратно на собаку возвращаться!? Плясать на блошином рынке, перебиваться случайными укусами, как бездарные отцы и деды мои!? А как же завтраки, обеды, пережёванные Его Справедливостью куски!

Таракашка чуть не рассмеялся таким словам.

– Я, например, всегда сам пищу пережёвываю, – сказал он. – И ничего, справляюсь.

Таракашка произнёс это совершенно искренне, он и не думал оскорблять Блоху. Но та почему-то решила, что над ней издеваются! Она быстро вытерла слёзы и посмотрела на Таракашку злым и хищным взглядом.

– Ты вааще кто? – спросила она мерзким тоном. И сама же себе ответила: – Ты же и есть мой завтрак! А?

– Я сегодня, – рассердившись, ответил Таракашка, – а вот ты... – Тут он вспомнил наставления Клоп Клопыча и поправил себя: – А вот вы – вчерашник!

– Пойдём, малыш, – взял его за лапу Комар Комарыч.

– А-а-а! – закричала Блоха, видя, что её спасители уходят и бросают её одну. – Лучше бы вы меня там оставили! Лучше бы мне в пепельнице скиснуть! Лучше бы мне в стиральной машине утонуть!..

Но Комар Комарыч и Таракашка даже оглядываться не стали – навсегда оставили это жалкое существо наедине с его глупостями. А сами побрели по Заплинтусной пещере.

ВОПРОСЫ, ОТВЕТЫ И НОВОСТИ

Долго шли они по узкой пещере. Комар Комарыч светился в темноте надёжным неиссякаемым светом. Этот свет ободрил Таракашку, и тот перестал даже на время пути беспокоиться о судьбе Клоп Клопыча. Он вдруг почувствовал, что всё с его старым наставником будет хорошо, что скоро они встретятся и снова будут вместе... И Таракашка не стал больше ничего спрашивать у Комар Комарыча. Он и так уже назадавал кучу вопросов, а ведь старик-клоп учил его думать своей головой!

К вечеру путники вышли из Заплинтусной пещеры прямо к строительному лагерю муравьёв. Три Таракашкиных знакомца тоже были здесь. Они узнали Таракашку, тут же бросились приветствовать его, как старого приятеля, и с жаром сообщили, что скарабеи выиграли у колорадских полуфинал: два-один!

Муравьи усадили путешественников за походный стол, накормили вдоволь, по-солдатски. Еда у них была такая вкусная, что оголодавший комар чуть не лопнул после долгого голодания. О Комаре Комарыче многие муравьи были наслышаны с детства, и за счастье почли разделить с ним походный обед. Они с интересом разглядывали легендарного гостя, расспрашивали о всяких тонкостях вегетарианской кухни. Таракашку тоже расспрашивали – о Клоп Клопыче. Но он отвечал уклончиво: мол, всё хорошо, старик просто задержался по делам...

Потом муравьи принялись рассказывать новости:

– Вы слышали? Под диваном большие перемены! Пала Паучья империя! Всех пауков и прилепившихся к ним сомнительных насекомых вымели из-под дивана мокрой метлой! (По другой версии – пылесосом.) Паутина спущена в мусорное ведро! Все насекомые радуются и празднуют победу! Под диваном теперь чисто, не пыльно, светло...

– Так уж и светло? – спрашивал Комар Комарыч, не подточив носа – так, будто ничего не знал о произошедшем.

– Ну, относительно светло, конечно... – продолжали муравьи наперебой – так хотелось им поделиться новостями. – Некоторые особо предприимчивые насекомые уже облюбовали себе там места для улучшения жилищных условий. Жучило-древоточец утверждает, что это он подкосил Поддиванье, искрошив его тайными ходами и катакомбами. За этот подвиг ему присвоено звание народного партизана-древоточца и выделен под диваном лучший надел паркета возле самой дальней ножки...

– Это в Тёмном углу, что ли? – спросил Таракашка, которого все эти новости забавляли.

– Да, только теперь он называется Чистый угол, – ответили муравьи.

Никому и в голову не приходило, что все эти новости как-то связаны с их мирными, тихими гостями – Комар Комарычем и Таракашкой.

Ночью, лёжа в уютной паркетной трещине, под тёплой батареей, Таракашка думал обо всём увиденном за время путешествия. О Клоп Клопыче, о Паучище и его прихвостнях, о Комар Комарыче, о Жучиле-древоточце, о муравьях... Столько всего нового узнал он, столько повидал лиц и характеров!

«Вот бы скорее проснулась Мушка, – думал он, – вот бы скорее вернуться и рассказать ей обо всех наших приключениях!»

ВМЕСТО СНА

Все заснули в муравьином лагере, даже дежурный возле склада хлебных крох, даже двое солдат на боевом посту, и только Таракашка так и не смог заснуть. Как он ни старался, сна не было ни в одном глазу. Слишком много впечатлений выпало на его долю! Впечатлений было больше, чем усталости.

Пролежав целый час без толку, Таракашка поднялся и пополз к Комару Комаровичу, который неподалёку спал сидя. Приняв свою любимую позу комариной личинки, комар храпел, как обычно храпят комары, – тоненьким-тоненьким голоском.

– Х-р-р-зь-зь-зь-зю-у-у... Х-р-р-зь-зь-зь-зю-у-у...

Таракашка посидел немножко рядом, но потом не вытерпел и дёрнул наставника за крыло.

Тот встрепенулся, крикнул и поспешил заверить, что не спит.

– И не думал спать. Я вообще никогда не сплю. Я просто задумался о вечном... – и опять стал клевать носом. – О вечном х-р-р... о вечном зь-зь-зю-у-у...

– А почему вы никогда не спите? – спросил Таракашка прямо над комариным ухом.

– Не могу, – приоткрыл глаза Комар Комарыч. – Меня мучают...

– Кто?

– Неразрешимые вопросы бытия.

Комар понял, что упрямый таракан не отстанет от него, и вынужден был проснуться.

– Комар Комарыч, – сказал Таракашка как-то очень серьёзно, – меня тоже один вопрос ужасно мучает.

Комар недовольно поёжился, пытаясь сбросить с себя остатки сна. Таракашка продолжал:

– Клоп Клопыч научил меня, что, прежде чем задать вопрос, надо попытаться самому на него ответить. Но... но на этот вопрос у меня не получается найти ответа. Я ищу, ищу – и никак. Даже спать не могу.

Комар Комарыч понял, что Таракашка пришёл к нему с чем-то очень важным, наболевшим. Недовольство его сразу прошло. Он придвинулся к малышу и посмотрел ему прямо в глаза.

— Тогда спрашивай, сынок.

Таракашка не сразу решился, сначала ещё немножко подумал. Наконец спросил:

— Куда всё-таки делся Клоп Клопыч?

Комар Комарыч нахмурился, но не потому что рассердился, а потому что не знал ответа на этот вопрос. Он так и сказал:

— Я не знаю ответа на этот вопрос.

Потом прибавил:

— Скажу тебе, малыш, откровенно, по-взрослому: я даже не знаю, жив ли теперь Клоп Клопыч. Вполне вероятно, что нет. Но что-то подсказывает мне, что жив и здоров. Отсидится за диванной обшивкой и по весне вернётся, прилетит на первом майском жуке.

Таракашка отвернулся к стене и стал всхлипывать.

— Поплачь, поплачь, — сказал ему комар. — Когда мужчина плачет, он взрослеет... Видишь, какое у тебя получилось путешествие: настоящие приключения, настоящие опасности, серьёзные последствия. Всё, как ты хотел.

— Последствий я не хотел, — сквозь слёзы просипел Таракашка.

— Ну, а как же без них! — сказал Комар Комарыч. — Хотел — не хотел, а приключений без последствий не бывает. Твоё путешествие повлекло удивительные перемены во всём насекомом мире.

Таракашка завертел головой.

– Это не я, это всё вы с Клоп Клопычем наделали!

– Не сваливай на нас, – сказал комар, – без тебя мы бы ничего не смогли. Ты оказался в нужное время в нужном месте. Сам оказался!

– Разве темница – это нужное место?

Комар Комарыч развёл лапками.

– Что-то подсказывает мне, что иногда бывает и так.

– Странно, – Таракашка уже почти перестал плакать. – Очень странно. У вас, взрослых, всё очень странно устроено и как-то всё... запутано. Сильно запутано!

И слёзы снова хлынули у него из глаз.

– Что ж, – раздумчиво заметил Комар Комарыч, – одну паутину ты уже распутал. Может, распутаешь и эту.

– Комар Комарыч, – почти закричал Таракашка и бросился в объятия к комару, – я вам обещаю, я клянусь вам, что когда я вырасту...

Комар спокойно отстранил его.

– Не надо обещаний, сынок! Не надо, слышишь? Ничего нет бессмысленней обещаний. – Он вздохнул и посмотрел в сторону. – Все мы в юности клянёмся распутать то, что наввертели взрослые, а когда вырастаем, – он безнадежно махнул лапкой, – только ещё больше всё запутываем.

– Что же мне делать? – спросил Таракашка после долгого молчания.

– Ничего особенного от тебя не требуется, – ответил Комар Комарыч. – Просто хорошенько запомни всё, что с тобой произошло. И самого себя не забывай.

– Как же можно забыть самого себя? – не понял таракан.

– Можно, сынок, ещё как можно, – покачал головой наставник. Его снова стало клонить в сон. – Ведь приключения закончились, и начинается обыкновенная будничная жизнь. А это порой гораздо труднее... Порой это... х-р-р-р... гораздо труднее, чем... зь-зь-зю-у-у...

И он снова захрапел пронзительно и пискливо.

Таракашка вытер слёзы, посмотрел на спящего комара и сказал самому себе, как заклинание:

– Нет, правда, у этих взрослых всё как-то сильно запутано...

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЗА ОБОИ

К середине следующего дня добрались до родного Заобойного квартала. Комар Комарыч довёл Таракашку до самых обоев, но зайти на минутку отказался.

– Спасибо, малыш, – сказал он. – Что-то подсказывает мне, что надо двигаться дальше, продолжать свои странствия. Возможно, кому-то где-то нужна моя помощь, мои знания.

– А вдруг и моя помощь нужна кому-то, где-то? – поинтересовался Таракашка.

– Это уж как тебе сердце подскажет, – с этими словами Комар Комарыч поджал верхние пары лапок, поднял вверх свой урезанный нос и исчез, будто слился с воздухом. Впрочем, может быть, это только показалось Таракашке, а на самом деле Комар Комарыч просто ушёл своим неспешным мягким шагом.

Родители встретили Таракашку радостными воплями, принялись обнимать его, целовать, щупать за все лапки.

– Ну, наконец-то! – тараторила мама Тараканиха. – Я уже волноваться начала! Готовлю, готовлю, а тебя всё нет и нет! А загорел-то как! А исхудал-то! Просто водомерка какая-то, а не таракан!

– Нет, он не худой, – перекрикивал её папа Таракан, – он поджарый! Он сейчас похож на деда моего, на своего прадеда! Вылитый беговой пруссак!

Таракашка не ожидал такого от родителей. «Ну просто как маленькие!» – подумал он. Ещё ладно бы мама, но папа-то! Папа Таракан вёл

себя совсем как мальчишка, – прыгал, трубил ртом, дёргал сынишку за усы, тыкал усами в дедовский портрет! Но тут мама сказала:

– Мой лапы и немедленно обедать!

По этой команде всё в доме в один миг встало на свои места. Родители перестали резвиться, устыдились собственной несерьёзности и повели себя как обычно. Мама принялась накрывать на стол, а папа сел в кресло и устал был в тараканские газеты.

– Извини, сын, – объяснил он. – Не дочитал новости! Такие вещи происходят в насекомом мире! Ты не представляешь! Очень интересно. Хочется быть в курсе событий.

И, перелистнув газетный листок, он авторитетно продолжал:

– Пока вы с Клопычем ходили в походы, под диваном произошёл переворот!

– Это безобразие! – сказала мама Тараканиха, накладывая сынишке целую гору еды. – Надо же предупреждать о таких вещах! Если бы я знала, что там назначен переворот, я бы ни за что не отпустила сына под диван. Его же могли там перевернуть и покалечить!

– Вздор, – возразил папа Таракан, – мы живём в двадцать первом тараканьем веке, никто бы такого малыша и пальцем не тронул. Перевороты – это взрослое дело. Правда, сын?

Таракашка хотел ответить, но рот его был настолько переполнен, что он даже промывать не смог. Он только издал какой-то глухой утробный стон.

– Не болтай с полным ртом! – шикнула мама и подложила на тарелку ещё два куска.

– Видишь, – сказал папа, – Таракашка даже и не в курсе, что там что-то произошло. Да и переворот, небось, произошёл

незаметно, тихо, мирно, гуманитарно. Это уж газеты раздули...

Таракашка хотел возразить и рассказать о том, как всё на самом деле происходило, но его рот был наглухо забит маминими угощениями. Причём передышки в этих угощениях не предвиделось. Тогда, поразмыслив, Таракашка решил не посвящать родителей в подробности своего похода. Наверное, он решил так потому, что никто его об этом и не просил рассказать.

– А чего Клопыч не зашёл? – спросил папа Таракан, не отрываясь от газеты.

– Он... – начал было Таракашка, но мама перебила его, спросив:

– А ты про географию не забыл? Все задания сделал?

– Нет, – признался Таракашка.

– Давай делай, – велела мама Тараканиха. – А то скоро каникулы кончатся, а ты так и растратишь время впустую!

– Мог бы и зайти, Клопыч-то, – покачал головой папа. – Почитай, почти родственники.

– Сыт? – спросила мама. – Ещё кусочек хочешь?

Таракашка едва выбрался из-за стола.

– Смотрите-ка, – потряс газетой папа Таракан, – «Тму-Таракань» пишет, что губернатором Нового Поддиванья избрали какого-то Жучилу-древоточца.

– Знавал я одного древоточца... – подумал вслух Таракашка.

– Ну, хватит болтать, – опять остановила мама, – поел – иди, учи географию! У нас с папой дел ещё невпроворот! У нас, понимаешь, каникул и всяких там путешествий не бывает!

– Да, да, ступай, сынок, – поддержал её отец Таракан, – не отвлекай нас от дел.

– И в хлебницу заскочи – чёрные крошки заканчиваются!

Таракашка замер посреди комнаты, раздумывая, чем же ему следует теперь заняться: идти учить географию или бежать в хлебницу за крошками? Но родители уже не обращали на него внимания, они уже

решили, что он ушёл, и самозабвенно погрузились в свои взрослые заботы и переживания.

Таракашка постоял минутку в растерянности, а потом отправился в свою комнату. Там был идеальный порядок и чистота – мама постаралась. Таракашке этот порядок почему-то не понравился, и он тяжело вздохнул.

Надо было сосредоточиться и вспомнить, что задавали на каникулы. Только мысли в голову лезли совсем о другом. Самая приятная мысль была такая: скоро проснётся Мушка, вот кому можно будет рассказать всё-всё, без утайки! И она выслушает, она очень хорошо умеет слушать!

Таракашка раскрыл учебник тараканьей географии, нашёл там Порожкин косогор, Паркетову равнину, Поддиванье, – и ещё одна хорошая мысль пришла ему на ум: пятёрка по этому предмету теперь ему обеспечена!

А потом пришла другая мысль – о Клоп Клопыче. «Только бы вернулся Клоп Клопыч, – подумал Таракашка. – Только бы он вернулся. Пожалуй, за это можно отдать все пятёрки на свете...»

Паркетовая равнина

Оглавление:

ЕСЛИ ОЧЕНЬ ХОЧЕТСЯ.....	5
БЕЗВЫХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ.....	8
ОПАСНЫЕ НЕПРИЯТНОСТИ.....	11
«ВАЛИТЕ ОТСЕДАВА!».....	13
НЕПРИЯТНЫЕ ОПАСНОСТИ.....	21
В ПАУТИНЕ.....	26
ВСЁ, КАК У ЛЮДЕЙ.....	28
ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА И ПЕРВЫЕ ПРИМЕТЫ.....	32
ВЕСЬМА НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА.....	35
НАСЕКОМОЕ-ЛЕГЕНДА.....	38

П Р О Д О Л Ж Е Н И Е

О ПИТАНИИ И СНЕ.....	41
МОЛОДОСТЬ И ЗРЕЛОСТЬ	44
«АТАС!»	46
ЗА ПЛИНТУСОМ.....	49
ВОПРОСЫ, ОТВЕТЫ И НОВОСТИ	53
ВМЕСТО СНА	55
ВОЗВРАЩЕНИЕ ЗА ОБОИ	58

СЕРИЯ “СКАЗОЧНЫЙ ГОРОД”

Константин Арбенин
ТАРАКАНЫМИ ТРОПАМИ

ПОВЕСТЬ-СКАЗКА

Художник Андрей Филиппов
при участии
Светланы Баделиной

Оформление серии Настя Фомичёва
Редактор Евгения Лытысова
Художественный редактор Настя Фомичёва
Технический редактор Виктор Лысов
Руководитель проекта Алла Насонова

Подписано к печати 15.12.2010 г. Формат 84х108 ¹/₁₆.
Гарнитура SchoolBook. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 4. Тираж 5 000 экз. Заказ № 3652.

Издатель: ООО «Редакционно-издательская фирма «ГРИФ»
191036, Санкт-Петербург, а/я 82
при участии ОАО «Издательство детской литературы «ДЕТГИЗ»
191180, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанка, 78.
Тел. (812) 312-51-27. E-mail: detgiz@mail.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ЗАО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь, www.pareto-print.ru

